

ВЛАДИМИР НОЛЛЕТОВ

ИДЕАЛ НЕДОСТИЖИМ

Владимир Ноллетов

Идеал недостижим. Роман

«Издательские решения»

Ноллетов В. В.

Идеал недостижим. Роман / В. В. Ноллетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507714-1

Главный герой порывает с женой, крадет сына и уезжает. Он решает посвятить свою жизнь его воспитанию. Жена его находит. Должен состояться суд.

ISBN 978-5-00-507714-1

© Ноллетов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Мечты	6
Война	20
Любовь	32
Кража	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Идеал недостижим

Роман

Владимир Владимирович Ноллетов

© Владимир Владимирович Ноллетов, 2024

ISBN 978-5-0050-7714-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечты

1

Странно, он плыл и плыл под дном баржи, а оно все не кончалось. Вопреки всем его расчетам. Он почувствовал, что скоро ему нечем будет дышать, постарался плыть быстрее. Над ним по-прежнему были ненавистные бревна. Он пригляделся... И все понял! Судя по направлению бревен, он плыл сейчас не поперек баржи, а вдоль. Как такое могло случиться? Вадя поплыл поперек баржи. А, может, зря он повернул? Может, теперь этот путь длиннее? Его начинала охватывать паника. Но мальчик не сдавался, отчаянно, из последних сил, работал руками и ногами. И вот кислород кончился. Последнее, что он видел, был светлый квадрат...

– Ну что, оклемался? – откуда-то издали донесся добродушный голос.

Вадя открыл глаза. Он увидел голубое небо и, прямо над ним, белое кучевое облако. Он ощущал слабость во всем теле. В голове шумело. Вадя огляделся. Он лежал на барже, рядом с прорубленным в ней квадратным отверстием. В отверстии плескалась вода. Возле Вади сидел на корточках мокрый, голый по пояс мужчина. С окладистой бороды капала вода. Он заботливо смотрел на Вадю.

– Везучий ты, паренек. Хорошо, я случаем к люку подошел. Гляжу, ты уже на дно камнем идешь...

– Это вы меня вытащили? – едва слышно произнес Вадя.

– Я. Кто ж еще.

– Спасибо.

«Где я ошибся?» – думал Вадя. Он стал вспоминать...

Они прыгали с крутого берега в Волгу. Это была такая игра – надо было вынырнуть как можно дальше от берега. Победитель определялся большинством голосов. Первым прыгнул Степка, белобрысый вихрастый мальчик лет двенадцати.

– Нырну-мырну – где вынырну? – весело прокричал он, разбежался и прыгнул.

Его товарищи подошли к самому краю обрыва и с живым интересом смотрели вниз.

Время шло, а белобрысый все не выныривал. Мальчишки забеспокоились. И когда, наконец, далеко от берега над поверхностью воды появилась вихрастая голова, они радостно зашумели.

– Так далеко Степка еще не нырял! – изумился один.

– Никто так далеко не нырял! Даже Вадя.

– Рекорд!

Степка помахал рукой и поплыл к берегу.

Был жаркий августовский вечер. В небе висело одинокое пышное белое облако. Вверх по реке, вблизи холмистого правого берега, на котором они стояли, маленький буксир тащил крупную баржу.

Прибежал запыхавшийся Степка. С удовольствием выслушав похвалы и поздравления, он задорно спросил:

– Слабо, Вадя, повторить?

– А зачем повторять? – с напряженным смехом ответил Вадя. Он был красив, строен, худощав. – Попробую тебя переплюнуть.

Раздались поощрительные возгласы.

Он и Степка проплывали под водой дальше всех. Между ними шло соперничество.

Вадя собрался прыгать.

– Постой, – сказал Степка. – Пусть баржа пройдет.

– Я под ней проплыву, – ответил Вадя. – Нырну-мырну – где вынырну? – Он прыгнул в воду.

Вадя понимал, что рискует, ныряя под баржу. Но если бы он стал ждать, когда она проплывет, это могли расценить как малодушие. Кроме того, она должна была послужить ориентиром. Если бы Вадя вынырнул сразу за баржей, он бы рекорд Степки не побил. Надо было проплыть под водой, как он подсчитал, еще несколько метров. Он должен был превзойти Степку во что бы то ни стало. Вадя Лунин всегда хотел быть первым...

– Ты небось думал, что проплывешь под баржей, – вернул его в реальность голос бородача. – Ан нет. Буксир-то наш курс изменил. Что б с другой баржей разминуться... Запомни: никогда под баржу не ныряй.

– Хорошо.

Вольск уже остался позади. Вадя собрался было плыть к берегу, но бородач не позволил. Недалеко от баржи в сторону города плыла рыбацкая лодка. Бородач попросил рыбака доставить мальчика на пристань.

В городе Вадя встретил Степку, Тот просиял, увидев его, живого и невредимого. Лунин кратко рассказал, как все произошло.

– Пойду другим скажу, успокою, – со смехом произнес Степка и побежал по улице.

Вадин домик стоял на окраине Вольска, у самого берега Волги. Лунин успел вернуться домой к ужину. За опоздание бабушка журила. За ужином собиралась вся семья: бабушка, папа, мама и Вадя. Была у него и сестра, но она умерла от голода в двадцать первом году. Ваде было тогда три года, но что-то он запомнил. Например, как они от голода опухли. Если ткнуть пальцем в щеку, оставалась надолго вмятина.

– Вадя, ты не заболел? – встревожено спросила мама. Он поспешил заверить, что чувствует себя отлично. Про нырок под баржу он никому не сказал.

– Была сегодня на рынке, – заговорила за столом мама. – Приличного мяса не смогла найти. Говорят, в деревнях голод начался.

Сегодня на ужин была стерляжья уха.

– А ведь засухи в этом году не было, – сказала бабушка, высокая, статная женщина со строгим лицом. – Вот плоды так называемого раскулачивания.

Бабушка была дворянкой. Ее отец, полковник, воинский начальник, владел двухэтажным особняком в городе Лаишеве. В девятнадцатом году особняк по не совсем понятной причине сожгли белочехи. В юности бабушка влюбилась в мещанина, мелкого чиновника. Полковник, человек по натуре мягкий, вначале был против такой партии, но в конце концов смирился с выбором любимой дочери. Они поженились. Их единственный сын Александр, отец Вади, окончил коммерческое училище, служил до революции бухгалтером у братьев Нобель. Это один из них учредил Нобелевскую премию. Сейчас он работал главным бухгалтером кожзавода. Мама была домохозяйкой. Она хорошо шила. Брала на дом заказы, внося свою лепту в домашний бюджет. Ее отец происходил из крестьян. Разбогател, сплавляя лес по Волге. Стал купцом первой гильдии. В пятнадцатом году разорился. Александр Андреевич и Екатерина Дмитриевна были красивой парой.

Про дворянское происхождение бабушки никому не говорили.

Папа стал бабушке возражать. Она всегда коммунистов критиковала, а он защищал. Хотя сам был беспартийным. При царе его не взяли в армию из-за узкогрудия. В гражданскую войну он вступил в Красную армию добровольцем.

Вадя поддерживал папу. Он верил, что советская власть всегда права. Ленин был для него кумиром. Мама политикой не интересовалась.

Наконец, сошлись на том, что после революции легче всего жилось при нэпе.

После ужина, как это нередко бывало, стали петь. Пели русские народные песни, классические романсы, арии из оперетт. Папа аккомпанировал себе и другим на пианино. У него был прекрасный слух.

После музицирования Вадя ушел к себе. У него была своя комнатка. Сколько он в ней перечувствовал! Прервав чтение какого-нибудь романа, он вскакивал и ходил из угла в угол. Чувства переполняли его. Он сопереживал героям книги как живым людям. Даже сам в воображении вмешивался в их судьбу. Вадя уже прочел большинство знаменитых произведений классической литературы.

Еще больше его волновала музыка. Она почти не умолкала в висевшем в коридоре репродукторе. Ему нравились и произведения серьезной музыки, и песни – русские и украинские народные, неаполитанские, советские. Услышав любимую мелодию, он замирал и сидел, не шелохнувшись, до последней ноты. Затем, под сильнейшим впечатлением от услышанного, начинал метаться по комнате. И мечтал...

Больше всего Лунин мечтал о подвигах. Поэтому, наверно, и поплыл под баржей. Он верил, что рожден для великих дел.

2

Наступили тяжелые времена. Разразился голод.

Вадя был заядлым грибником и рыболовом. Теперь эти две его страсти оказались как нельзя кстати. С наступлением зимы стало труднее. И все же положение в городе не шло ни в какое сравнение с положением в деревне. Там голод свирепствовал.

Они все очень похудели. Но мама замечала только худобу Вадю.

– Как ты исхудал, сынок! – вырывалось у нее иногда.

Он бодро отвечал:

– Мама, это ничего. Хуже будет, если я начну полнеть.

Она понимала его шутку и слабо улыбалась.

Однажды после скудного ужина бабушка прочла вслух письмо. Она получила его из деревни, от своей знакомой, бывшей графини. Они вместе учились на Бестужевских курсах. После революции графиню, бездомную и нищую, из-за ее происхождения нигде не брали на работу. С большим трудом ей удалось устроиться в сельскохозяйственную артель свинаркой. Она стала местной достопримечательностью. Специально приходили повеселиться, посмотреть, как графиня, в замызганной одежде, грязная, возиться в хлеву. Тяжелее всего было переносить эти разглядывания и ехидные замечания. В то время ей часто приходила мысль о самоубийстве. Но в местной школе не хватало педагогов, и графиня устроилась учительницей. Для нее это было счастьем.

Они с бабушкой эпизодически переписывались.

Страшным было это письмо. Графиня описывала голод в их деревне. Она называла три причины голода: раскулачивание, коллективизацию и, главное, хлебозаготовки. У колхозников забрали все зерно. Их допрашивали, били, требовали признаться, где они спрятали зерно. В их колхозе умирают каждый день. Хоронить некому. Всех кошек и собак съели. Было два случая людоедства. Тех, кто уходит в город, ловят и возвращают.

Бабушка закончила чтение. Все потрясенно молчали.

– Я видела таких беженцев. Возле собора, – с болью в голосе заговорила мама.

– Муж с женой и дети. Две девочки, два мальчика. Еле ноги передвигали. Лица заплыли. Глаза-щелочки. Я им денег немного дала.

– Как может власть так относиться к своему народу! – вдруг возмущенно воскликнула бабушка.

Она повернулась к сыну, как бы ожидая ответа.

– Перегибы на местах, – произнес он. – Арестовывать надо таких руководителей. В позапрошлом году Сталин написал статью «Головокружение от успехов» о перегибах при коллективизации. А это перегибы при хлебозаготовках.

– Учительница биологии говорит, что неурожай был, – вступил в разговор Вадя.

– Пшеницу какая-то болезнь поразила.

Бабушка с сожалением посмотрела на обоих. Сказала лишь:

– Аня всегда смелой была. Если бы это письмо попало к органам, ее, без сомнения, арестовали бы.

– Уничтожить надо письмо, – смущенно сказал папа.

– Непременно.

В самый разгар голода Вадя влюбился в одноклассницу Клаву Сердюк, красивую, умную, энергичную девочку, отличницу и активистку. Ее отец, до революции рабочий Путиловского завода, занимал в Вольске важный партийный пост. Она казалась ему совершенством. Это была его первая любовь. И любовь безответная. Он нравился многим одноклассникам, но Клава была к нему равнодушна. Она вообще не обращала на мальчиков никакого внимания. Признаться в любви он не решался. Боялся, что Клава поднимет его на смех. И Вадя решил покончить с жизнью. Способ выбрал оригинальный. Он хотел сам себя задушить. Обвязал полотенце вокруг шеи и стал изо всех сил тянуть концы в противоположные стороны. И вскоре потерял сознание... Очнулся на полу. Ныло ушибленное плечо. Он услышал голос мамы. Она звала к столу. Вадя быстро поднялся, развязал полотенце и пошел ужинать. Больше он уйти из жизни не пытался.

Любовь кончилась внезапно.

Это произошло на большой перемене. Вадя вышел вместе со всеми в коридор, но вскоре вернулся. Он только что придумал одну шутку. Вадя любил развеселить одноклассников. Для шутки нужен был мел. В классе находились лишь Клава и учительница истории.

– Ирина Аркадьевна, Маня Степанова хаёт советскую власть, – приглушенным голосом говорила Клава. Та холодно смотрела на нее. – Мол, в голоде она виновата... – Клава увидела Вадю и замолчала.

В это миг Вадя почувствовал, что больше не любит Клаву. Доносчики вызывали у него отвращение.

Ябеда Клавы осталась без последствий. Степанова никак не пострадала.

3

Лунин мечтательно глядел на мелькавшие за окном автобуса деревья. На них появлялись первые листочки.

Голод остался позади. От несчастной любви он излечился. В этом году, совсем скоро, он заканчивал школу-восьмилетку. Начиналась новая жизнь.

Вадим превратился в настоящего красавца. Высокий, стройный. Благородные черты лица. Прямые, черные как смоль брови. Выразительные глаза, серые с голубым оттенком. Девушки заглядывались на него на улице. А учительница литературы, интеллигентная женщина средних лет, просто влюбилась. Весь класс это видел. Когда он выходил к доске, она становилась пунцовой. Если раздавался приглушенный смешок, она краснела еще больше. Но ничего не могла с собой поделать. Его ответ она до конца не дослушивала, быстро ставила отличную оценку.

Приход весны всегда порождал в нем прилив сил, буйные мечтания, радостное ощущение бытия. А сегодня он находился в особенно приподнятом настроении.

В последнем номере главной вольской газеты появилась заметка о Ваде. Называлась она «Гордость школы». Написала заметку директор Нина Александровна. На фотографии Лунин

сосредоточенно склонился над столом и что-то рисует. «Вадим дисциплинирован, активно участвует в общественной жизни, никогда не отказывается от поручений, – писала Нина Александровна. – Он является примером для остальных учеников...» Лунин был главным редактором школьной стенгазеты. А недавно по просьбе учительницы биологии смастерил макет норы сурка в разрезе. Купил для этого аквариум, обменял у охотников на рыбу тушку сурка, сделал из нее чучело. Получилось очень наглядно и правдоподобно. Учительница пришла в восторг. Макет поставили на видное место в кабинете биологии. За это ему подарили тропических бабочек. Их в конце прошлого века прислали в школу из Лондона. Пять красивых бабочек в рамке под стеклом. Лунин повесил бабочек на стену рядом с картой мира. Провисели они недолго. Кошка – он подобрал ее на улице месяц назад – прыгнула на них. Рамка упала, стекло разбилось, бабочки рассыпались в прах.

По всем предметам у него была отметка «очень хорошо», то есть пятерка. Правда, математика давалась Лунину нелегко. Часто такую отметку по этому предмету ему ставили незадолго. Он сам это чувствовал.

«Его уважают и любят ученики...» И это было правдой. Одноклассники за веселый нрав, за умение всех рассмешить, часто неожиданным и оригинальным способом, звали Лунина Лунька-чудак. Однако в шуту он не превращался, всегда сохранял чувство собственного достоинства. Заканчивалась заметка словами: «Вадим Лунин – новый человек, нужный нашей социалистической Родине».

Лунин был рад и горд. Предвкушал, как удивятся и обрадуются родные. И в то же время он испытывал неловкое чувство. Словно ему было стыдно, что его так расхвалили.

Вдруг он услышал пьяный смех. В конце автобуса два его ровесника приставали к девушке в очках, худой и бедно одетой, Черты ее лица были тонкие, правильные, приятные. Одна пассажирка сделала парням замечание, другая, но они не обращали внимания. Оба были пьяны. Тот, что был пониже, с бегающими мутными глазками, отпустил очередную похабную шутку. Другой, высокий, широкоплечий, с взглядом жестким и злым, взял девушку за руку. Она покраснела, губы ее задрожали.

Вадим встал, положил на сиденье газету со статьей о себе, подошел.

– Ребята, не надо так с девушкой разговаривать, – сказал он миролюбиво, почти дружелюбно.

Низенький высоко поднял брови, словно удивляясь его наглости, и фыркнул:

– Да ты кто такой?

Высокий посмотрел с угрозой на Вадима и медленно презрительно процедил:

– А ну, пошел отсюда.

Вадим вспыхнул.

Автобус затормозил на остановке. Двери открылись.

Он шагнул вперед, схватил высокого за шиворот и вышвырнул из автобуса. В гневе силы его удваивались. Впрочем, был бы тот трезв, Вадим так легко с ним бы не справился. Второй выскочил из автобуса сам.

– Ты нам еще попадешься, – прорычал высокий, поднимаясь.

Автобус поехал дальше.

Девушка горячо Вадима поблагодарила. Она смотрела на него с восхищением. Пассажиры его хвалили. Он скромно вернулся на свое место.

Дома он вновь и вновь вспоминал это происшествие. Вспоминал с гордостью. Пытался представить, как он выглядел в глазах девушки. Наверно, показался ей героем.

В школе заметка произвела фурор. Вадим, конечно, газету в школу не понес; принесли другие ученики.

После уроков Вадим и Клава остались делать стенгазету. Она давно стала активным членом редколлегии. Особенно ей удавались передовицы и заметки с политическим уклоном.

Вадим предпочитал писать фельетоны, рисовал к ним карикатуры. У него были художественные способности. Художественное оформление целиком лежало на нем. Принимали участие в создании стенгазеты и ученики других классов, но без особого энтузиазма.

Клава была оживлена, поглядывала на него как-то по-новому.

Она стала еще красивее. Фигура у нее была ладной, крепкой, лицо – открытым и решительным. Длинные загнутые кверху черные ресницы своеобразно сочетались с вздернутым носом и широкими скулами.

– А хорошо Нина Александровна написала. И все правильно. Я тебя поздравляю, Вадя! Ты теперь знаменитость. – Она протянула ему руку.

Он пожал ее. Ладонь у Клавы была сухой и горячей. Со смущенной улыбкой ответил:

– Да какая я знаменитость.

Клава тоже улыбнулась.

– Ну как же! – Только сейчас она выпустила его руку. – Весь город тебя теперь знает. – После недолгого молчания Клава сказала: – На днях товарищ Сталин речь произнес. Надо бы это осветить. Вообще, Вадя, ты не находишь, что мы Иосифа Виссарионовича в стенгазете редко упоминаем?

– Хорошо, вот ты и напиши. Это передовица будет. Выдержки из речи приведи.

От прямого ответа Вадим уклонился. Сталин был везде. На домах висели плакаты с его изображением. О нем пели песни. Его восхваляли в каждой речи, в каждой статье. Вадим считал Сталина великим человеком, но чувствовал в глубине души, что так возвеличивать одну личность нельзя, что это перебор.

– Ладно. – Клава кивнула головой. – У меня еще такая мысль. Нарисуй, Вадя, карикатуру на наших модниц. У нас же есть такие. Ходят расфуфыренными барышнями.

– А что в этом плохого?

Она удивленно подняла тонкие темные брови.

– Ну, это же буржуазные пережитки. Не об этом современная девушка должна думать.

Сама она одевалась небрежно. Вадиму казалось: нарочито небрежно. А некоторые ученицы совсем за собой не следили.

– Просто они хотят выглядеть привлекательно, Клава. Естественное желание. Нет, такую карикатуру я рисовать не буду.

Клава фыркнула. Пожала плечами.

Они вернулись к работе. Через минуту она подняла голову.

– В кино фильм интересный. «Путевка в жизнь». Давай сходим?

Никогда она не обращалась к нему с подобными предложениями.

– Я его уже видел, – поспешно сказал Вадим. Он не хотел смотреть с ней кино.

– Ну и что? Я тоже видела. Еще раз можно посмотреть.

– Не смогу, Клава. Дел сегодня много.

– Тогда завтра?

– И завтра не смогу.

Клава упрямо тряхнула пышными каштановыми волосами.

– А когда сможешь?

– В ближайшее время постоянно буду занят, Клава.

Она переменилась в лице. Сказала тихо:

– Жалко.

Молча выполнила свою часть работы и ушла, не попрощавшись.

На следующий день Клава пришла в школу в модной блузке.

Прошла неделя.

Вадим не очень покривил душой, когда говорил Клаве, что будет занят. С некоторых пор он пристрастился ходить вечером в парк на танцы. Впрочем, сам он не танцевал. Он стано-

вился под дерево или, лучше сказать, за дерево и наблюдал за танцующими. Вадима переполняли чувства: музыка, танцы, девушки волновали его. Ему очень хотелось танцевать. Но он стеснялся. Боялся показаться смешным и неловким. И, главное, он не мог решиться пригласить девушку на танец. Опасался отказа.

В этот вечер четверо молодых людей тоже не танцевали. Наверно, были такими же стеснительными. Освещение было тусклое, стояли они далеко от Вадима, также под деревом, и он не мог хорошо их разглядеть. Но фигура одного, высокая, крепкая, показалась ему знакомой.

Из висевшей на столбе тарелки репродуктора лилась красивая мелодия танго. Пары чинно кружились. Они скорее вальсировали, чем исполняли настоящее танго.

Наконец, репродуктор замолчал. Танцы закончились. Стали расходиться.

Он вышел из парка и свернул в безлюдную, плохо освещенную улочку. Это был кратчайший путь домой.

Та четверка последовала за ним. Вадим не придавал этому особого значения. Но когда они стали вполголоса переговариваться, когда он уловил блатные интонации, когда они пошли быстрее, он почувствовал неладное. Но шаг не ускорил: они могли расценить это как трусость. Он только весь напрягся. Внезапно парни перешли на бег, настигли его, преградили путь. Двоих он сразу узнал. Это они приставали к девушке в автобусе. Все были трезвы. Тот, которого он вышвырнул, зловеще усмехнулся.

– Я ж говорил: встретимся, – процедил он. И вдруг ударил Вадима кулаком в лицо. Они стали его избивать. Увесистые удары сыпались со всех сторон. Два раза он падал, но тут же вскакивал. И он их бил. С размаха ударил одного ногой в пах. Ноги у него были сильные. Тот закричал диким голосом, скорчился, зажал пах руками, свалился. Позади него была лестница. Она вела в какой-то подвал. Падая, он ударился головой о ступеньку. Скатился до самого низа и затих. Остальные трое вынули кастеты. Вадим бросился бежать. Что ему оставалось делать? Иначе они бы его убили. Они погнались за ним. Стали догонять. Вадим хромал сейчас на одну ногу, сильно болела грудь. Ясно было, что ему от них не убежать. Тогда он с разбега перемахнул через забор. Этот квартал был застроен одноэтажными частными домами. Раздался лай. Две крупные собаки со злобным рычанием бежали к нему. Теперь надо было спасаться и от них. Он успел перепрыгнуть через другой забор. И здесь была собака. Вадим перемахнул через третий забор и оказался в узком переулке. Собаки всего квартала заливались лаем. Но топот не слышался. Видимо, парни решили вернуться к своему товарищу.

С трудом приковылял он домой.

Мама положила ему на лицо полотенце, смоченное в холодной воде. Меняла его постоянно.

В школу он не пошел. Отлеживался. Все тело болело. Вечером пришел его друг Сергей, сын директора кожзавода. Они часто ходили в гости друг к другу. У них было много общих интересов. Отец Сергея происходил из дворян.

Едва он ушел, явилась Клава. В авоське она принесла яблоки.

– Пришла проведать по поручению завуча, – объяснила она, глядя сочувственно на его лицо.

Как он не хотел, чтобы его видел в таком состоянии кто-то из одноклассников, а тем более одноклассниц! Вадим рассказал про драку. Про свое бегство он умолчал. Волей-неволей пришлось упомянуть и эпизод в автобусе.

– Ты поступил как настоящий комсомолец, – сказала Клава. Она вдруг пододвинула слегка стул, на котором сидела, к кровати, оглянулась на приоткрытую дверь и произнесла вполголоса: – Говорят, вчера вечером кого-то в драке убили. Нашли труп с проломленной головой. Недалеко от парка.

Вадим побледнел. «Может, это тот, кого я пнул? – подумал он. – Может, я убил человека?» Клава смотрела на него серьезно и внимательно. Видимо, она думала о том же. «А если она на меня донесет?» – мелькнула мысль. Но Вадим тут же ее устыдился.

На прощание девушка пожелала ему скорого выздоровления, улыбнулась и ушла.

Когда синяки стали едва заметны, Вадим пришел в школу. Его встретили как героя. Все считали, – Клава, видимо, так рассказала – что он, спасая девушку, вступил в драку с несколькими хулиганами и вышел победителем.

Клава стала к нему приходить. Под предлогом, что надо решить какой-нибудь вопрос, связанный со стенгазетой. Вадима эти посещения не радовали. Но не мог же он ей запретить. Бабушку он попросил при Клаве советскую власть не ругать.

При прощании в последний школьный день она долго держала его за руку. Была Клава подавленной и грустной. Прежде Вадим ее такой не видел.

На лето Клава уехала к деду в деревню, в Ленинградскую область.

4

– Пушкина читаешь? – Клава взяла со стола книгу.

– Это мой любимый поэт, – ответил Вадим.

Они сидели в его комнате.

Вернувшись из деревни, Клава сразу пришла к нему. Без всякого предлога.

Она загорела. Загар ей очень шел.

– Вадя, Пушкин – отжившая эпоха. Не нужна нам дворянская поэзия. Как, кстати, и дворянская проза. Нам эти буржуазные переживания, все эти сюсюканья, не интересны... А ведь сколько есть хороших пролетарских поэтов! Прежде всего, Маяковский, конечно. «Отечество славию, которое есть, но трижды – которое будет». Хорошо ведь, правда?

– Да. Маяковского я не понимаю, но у него есть строфы, которые в память врезаются. Как вот эта.

– Ну вот видишь.

Клава замолчала. Стала бесцельно листать томик Пушкина. Чувствовалось, что она взволнована.

Вдруг Клава решительным движением положила книгу на стол. Сказала отрывисто:

– Душно как. Может, пойдем искупаемся?

– Хорошо.

Они вышли из дома. Солнце в зените палило нещадно. Раздался паровой гудок.

– Какие теперь планы? – спросила девушка, когда они спускались к Волге.

– Продолжу образование. Думаю учиться на вечернем рабочем факультете. При Саратовском пединституте. А днем работать.

– На рабфак ведь принимают только с рабочим стажем.

– Не обязательно с рабочим, с комсомольским тоже принимают.

– А где работать будешь?

– Пока не знаю.

– А я еще ничего не решила.

Они разделись, бросились в воду. Долго плавали в реке. Со смехом обдавали друг друга брызгами. Клава оказалась отличной пловчихой. Наконец, выбрались на берег. Сели сушиться.

– Ты меня хоть иногда вспоминал? – спросила Клава, глядя на плывущий по Волге паровоз.

– Вспоминал.

– А я постоянно о тебе думала!

Наступило молчание. Клава провожала глазами пароход. Вдруг она резко повернулась к Вадиму. Их колени соприкоснулись. Выпалила:

– Вадя, я тебя люблю!

И снова – молчание. Клава взволнованно глядела на него. А он не знал, что сказать. Как Вадим не старался, он не находил в душе даже намека на любовь. Наверное, невозможно полюбить того, кого однажды разлюбил. Он только ее жалел. Это была мучительная минута для обоих. Вадим понимал, что молчать нельзя, но никак не мог найти подходящих слов. Сказать прямо, что он ее не любит, Вадим был не в силах.

Внезапно Клава вскочила. Натянула платье на мокрое еще белье. Стала быстро подниматься по тропинке. Вадим оделся, догнал ее. Когда они поднялись по склону, Клава остановилась, обернулась. Вадим стал рядом.

– Я же тебе нравилась, – как будто с упреком произнесла она. – Я видела. Ведь нравилась?

– Да.

– И что? – Она горько усмехнулась. – Разонравилась?

Вадим молчал.

– Говори прямо!

Его просто принуждали сказать правду.

– Когда я увидел, как ты Ирине Аркадьевне на Степанову жаловалась, у меня все прошло. В один миг.

Клава возвела глаза к небу.

– Ну дурак!.. А как я должна была поступить? Обязательно надо в таких случаях сигнализировать! – Она говорила горячо и убежденно – Манька же контрреволюционную пропаганду вела! Она ведь из деревни. А там до сих пор мелкобуржуазная психология. Борься с этим надо! Искоренять беспощадно. – Клава замолчала. Она смотрела на него, ожидая ответа. И он молчал. Неожиданно на глаза ее навернулись слезы. – Прощай! – поспешно произнесла она дрогнувшим голосом. И ушла с опущенной головой.

5

В Саратове Вадим поселился у тети Нади, папиной сестры. В этом городе Вадим родился. В Саратове как раз устанавливалась советская власть. Когда мама несла его домой из роддома, в городе слышалась стрельба. На крышах она видела людей в форме. Они в кого-то стреляли. Как она боялась, что шальная пуля попадет в сына!

В Саратове Вадим прожил первые семь лет своей жизни. Врезалась в память одна картина. В центре на тротуаре полулежит молодая женщина. Вся ее одежда состоит из перекинутой через плечо ленты с надписью «Долой стыд!»

В середине двадцатых годов в Саратове, Харькове и, главным образом, Москве действовало общество «Долой стыд!» Его участники считали наготу символом равенства. Они появлялись на улицах совершенно обнаженными. Когда Бухарин и нарком здравоохранения Семашко выступили с критикой этого общества, милиция стала подобные акции пресекать.

В двадцать пятом семья перебралась в Вольск.

Во вторую неделю занятий на рабфаке преподаватель объявил, что в группу поступила новенькая. Это была Клава! Вадим подозревал, что она сделала это ради него. Между ними установились отношения старых добрых знакомых. Что-то их все-таки объединяло. Школьные воспоминания. Вера в Сталина, в советскую власть, в счастливое будущее.

Днем Вадим работал скульптором-реставратором в скульптурной мастерской. Располагалась она в подвальном помещении. Он зачищал, то есть шлифовал, скульптуры. В основном, бюсты вождей. Вел для себя учет выполненной работы, записывал в записную книжку: «Зачищено два Сталина», «Зачищен один Ленин», «Зачищено пол-Сталина». Во время работы он

громко, на всю мастерскую, пел. Остальным пение не мешало. Наоборот, они просили продолжать, когда он замолкал. Из его замечаний и оценок скульпторы сделали вывод, что у него идеальный художественный вкус. У Вадима появилась новая мечта – стать художником.

В декабре в Ленинграде убили Кирова. Его застрелил коммунист Николаев. В организации убийства обвинили бывших оппозиционеров Зиновьева и Каменева. Газеты писали о раскрытии в Ленинграде троцкистско-зиновьевского центра. Была развернута шумная кампания по поиску врагов.

На комсомольском собрании Клава произнесла воинственную речь. Состояла она, в основном, из газетных лозунгов. «Комсомолец должен быть бдителен, – говорила она.

– Враг скрывается под разными личинами. Надо его разоблачать и беспощадно уничтожать!» Глаза ее сверкали, лицо покраснелось. Она была очень хороша во время этого выступления. Клава нравилась многим студентам. Теперь число ее поклонников увеличилось. Но она всякие ухаживания отвергала. Клава продолжала любить Вадима.

Главный удар репрессий пришелся на «социально-чуждые элементы». Из Ленинграда были высланы все дворяне. В мастерской стали работать несколько ленинградских скульпторов, в том числе один барон. Отец писал, что на кожзавод устроились два молодых инженера – братья Зайцевы, милые, интеллигентные люди. Их тоже выслали из Ленинграда. Тысячи ленинградских «бывших» были арестованы.

Вадим недоумевал: если Кирова убили оппозиционеры, то причем здесь дворяне? Но своими сомнениями он ни с кем не делился.

Как-то Клава попросила Вадима передвинуть шкаф в ее квартире.

– Мы вдвоем с сестрой живем. У ней здоровья нет, а одна я не смогу.

– Хорошо.

Ему совсем не хотелось идти к Клаве, но неудобно было отказаться.

Клава жила в центре, на проспекте Кирова, в старинном многоэтажном доме в немецком стиле. Многие дома в Саратове были построены немцами. Когда-то проспект назывался Немецкой улицей.

Квартира была трехкомнатная, с дорогой дореволюционной мебелью.

Вадим без особого труда переставил шкаф. Он был нетяжелый, передвинуть его надо было на метр. Клава угостила Вадима чаем.

– Мы с Машей двоюродные сестры, – говорила девушка, отхлебывая из фарфоровой чашки. – Представь: она старше меня на пятнадцать лет! – Клава нервно засмеялась.

Он избегал смотреть на нее. Больше поглядывал на фотографию военного на стене.

– Это мой дядя, – объяснила Клава. – Машин отец. Старший политрук. В Ленинграде служит.

Вадим поблагодарил за чай. Собрался уходить. Клава упрямо тряхнула каштановыми локонами.

– Куда ты торопишься, Вадя? Мне одной скучно будет. Маша с работы не скоро придет. Посидим еще немного, поговорим. Я тебе сейчас интересную фотографию покажу.

Она усадила его на диван. Достала из шкафа альбом, плюхнулась рядом.

– Вот смотри, – Клава показала на пожелтевшую нечеткую фотографию нескольких военных. – Вот это дядя. Узнаешь? А рядом Примаков!

– Герой Гражданкой войны?

– Ну да. Он сейчас заместитель командующего Ленинградским военным округом. Дядя под его началом в Гражданскую воевал, с Деникиным, с поляками. Фотография того времени. У них и теперь отличные отношения. Дядя в доме у него бывал, жену его видел. А знаешь, кто у Примакова жена? Только представь: Лиля Брик! Любовь Маяковского.

– Да, интересно... Но она должна быть старше его.

– На семь лет старше.

Наступило молчание. Клава взволнованно и внимательно глядела на Вадима. Как будто чего-то ждала от него.

– А моего отца избрали в Вольский горсовет, – сказал Вадим, чтобы прервать молчание.
– Вот как! Поздравляю! Я знаю: на кожзаводе рабочие его уважают.

Клава вдруг встала, положила альбом на место. Снова села. Откинулась на спинку дивана. Широко расставила ноги. Смотрела на Вадима вполоборота. «Ну, смелее! – говорили ее глаза. – Я вся твоя!»

Вадим поднялся. Начал прощаться. Клава сникла. Даже не проводила его до входной двери.

Не любил он ее. Душу ее не любил.

И не желал он растрчивать чувства на случайные связи. С отрочества он мечтал о высокой, идеальной любви. Берег себя для нее.

Клава была девушкой целеустремленной, настойчивой, и Вадиму иногда приходила мысль, что она не отстает от него не столько из-за любви, сколько из-за намерения выполнить поставленную цель – завоевать его.

6

Когда началась гражданская война в Испании, Вадим горячо сочувствовал республиканцам. Жадно ловил сообщения о ходе боевых действий. В мечтах Вадим сам там сражался, совершал подвиги, добивался славы. Однажды он пришел в военкомат и попросил, чтобы его отправили добровольцем в Испанию воевать с фашистами.

Военный, пряча в пышных усах улыбку, задал несколько вопросов. Сказал:

– Похвальное желание. Вы сознательный комсомолец, товарищ. Но пока продолжайте учиться. Когда будет нужно, мы вас сами призовем.

Наркомом внутренних дел вместо Ягоды стал Ежов. Вадим почувствовал к нему антипатию, как только увидел его фотографию.

В начале 1937 года состоялся процесс так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра. Видные большевики Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков сознались в шпионаже, организации диверсий на промышленных предприятиях, подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства. Это поражало, не укладывалось в сознании.

Вскоре в Вольске был арестован и объявлен врагом народа отец Клавы. На комсомольском собрании она твердо и решительно заявила, что осуждает его контрреволюционную деятельность и отрекается от него. Одни ее поступок громко одобряли, другие молчаливо осуждали. Одно было ясно: без этого отречения Клава не смогла бы продолжить образование.

Летом состоялся суд над знаменитыми советскими военачальниками о главе с маршалом Тухачевским. Среди подсудимых был и Примаков. Их обвиняли в попытке государственного переворота. Все признали свою вину. По всей стране искали врагов. Репрессий в таком масштабе еще не было. И опять больше всех преследованиям подвергались «бывшие». Отец писал, что на кожзаводе арестовали братьев-инженеров. Директора, как ни странно, не тронули. Были арестованы Нина Александровна и Ирина Аркадьевна. Графиня писала бабушке, что ждет ареста с минуты на минуту. В пединституте арестовали двух старых профессоров.

Когда рабфаки были упразднены, Вадим и Клава продолжили учебу на подготовительных курсах при институте, снова в одной группе. Из мастерской он уволился.

В их группе оказалась редкая красавица, Марина Тржебинская, блондинка с большими голубыми глазами. У нее были идеальные, точеные черты лица, идеальная фигура. Горделивая осанка. В первый же день она влюбилась в Вадима. Он оставался к ней равнодушен. Холодной была ее красота. Он мог полюбить только натуру горячую и живую. И ему нравились

девушки темноглазые и темноволосые, особенно восточного типа. Для него идеалом красоты была «Незнакомка» Крамского.

Клава Марину сразу невзлюбила. В разговорах с Вадимом называла ее скрытой контрой.

Газеты призывали к беспощадной борьбе с врагами советского строя, культивировали ненависть к ним. Однако главный тон статей оставался приподнятым, пафосным. Писали о мудром руководстве любимого вождя, об успехах индустриализации, о победах во всех областях народного хозяйства, о светлом, счастливом будущем. Эта было так созвучно жизнерадостному, оптимистичному характеру Вадиму. Он верил, что все сталинские планы сбудутся. Как верил, что сбудутся все его собственные мечты. Вадим радовался жизни. О репрессиях он старался не думать.

Но жизнь напоминала о них. В октябре арестовали Тржебинскую. Ее арест долго обсуждали. Вполголоса, в узком кругу. Гадали: за что? Политикой Марина совершенно не интересовалась. Одни полагали, что на Марину донесли из ревности. Скорее всего, какая-нибудь поклонница Вадима или Ивана Иванова. В них многие были влюблены. Решила устранить опасную соперницу. Другие считали, что редкую красоту Тржебинской заметил кто-то из начальников НКВД, стал ее добиваться, а она его ухаживания или, может, наглые домогательства отвергла. И он отомстил. Была и третья версия. Марина говорила, что она из семьи служащих. Но, может, она скрывала дворянское происхождение. Сара Шафранская, девушка начитанная, утверждала, что Тржебинские принадлежали к польской шляхте. Вадим в эти разговоры не вступал. Он не сомневался, что Марину забрали по доносу Клавы.

Теперь Вадим чувствовал к ней лишь неприязнь и презрение. Он старался это не показывать, но Клава все поняла. Иногда он ловил на себе ее взгляд, тяжелый и тоскливый. Она тут же отводила глаза. Они почти не разговаривали.

А вскоре арестовали и Клаву. Этого никто не ожидал. Она была самой активной и убежденной комсомолкой. Никто так не славословил Сталина, никто так не одобрял репрессии, как она. Решили, что Клаву арестовали как дочь врага народа. И добавляли: «И отречение не помогло!»

Через неделю был арестован Иванов, весельчак и заводила с открытым русским симпатичным лицом и синими лучистыми глазами. Он настойчиво ухаживал за Клавой, пускал в ход все свое обаяние, но безуспешно.

Прежняя веселая непринужденность сменилась в группе гнетущей атмосферой всеобщей подозрительности.

Когда на следующий день после его ареста Вадим шел с занятий домой, сзади слышались торопливые шаги. Его догнал Отто Беккер, немец из Энгельса, столицы Республики Немцев Поволжья. Этот город расположен на противоположном берегу Волги, прямо против Саратова. Отто учился в их группе.

– Вадим, поговорить надо. – Его длинное лицо выражало озабоченность.

– Свернем в Липки.

Липками назывался любимый всеми саратовцами парк. Деревья стояли в пестром осеннем наряде. Людей в парке было мало. Они присели на скамью.

– Все думаю: почему Ивана забрали, – негромко заговорил Отто, устремив выпуклые серые глаза на кучку опавших листьев. У него с Вадимом сложились хорошие, доверительные отношения. Они не сомневались в порядочности друг друга. – И только одну причину нахожу. Недавно Ваня анекдот про Сталина рассказал. Он парень бесшабашный, ты знаешь. Думаю, за анекдот его взяли.

– За анекдот? – усомнился Вадим.

– Да. Не удивляйся... Нас пятеро было. Мы на той вон скамейке сидели. Ваня, я, Сара, Клава Сердюк и Даша Авдеева. – Авдеева была девушкой невзрачной, недалекой и очень молчаливой. – Слышать нас никто не мог. Кто тогда донес? Что Сара донесла – не верю. Мы с ней

месяц дружим, я ее хорошо узнал. Она целиком в мире поэзии живет. Сердюк? Да, она Ивана за анекдот поругала. Но она же знает, что он ее любит, что на все для нее готов. И она в общем-то неплохая девушка. Авдеева? Так она в Ваню влюблена. А может, именно из-за этого, из-за ревности? Он все внимание – Клаве, а ее не замечал...

– Когда это произошло?

– За два дня до ареста Сердюк... Может, ее за это и взяли? За то, что про анекдот не сообщила...

– Разве за это могут арестовать?

– Могут, Вадим, могут. Я слышал про такие случаи... По какой-то причине сначала ее забрали, а потом уже Ивана... Но тогда и нас, остальных троих, арестуют! А если кого-то не арестуют, тот, значит, и донес. Логично? – Отто горько усмехнулся.

Через несколько дней Клава снова пришла на лекции. Она сильно изменилась. Была подавленной, молчаливой. От ее задора и энтузиазма ничего не осталось. На все расспросы она отвечала одной фразой: «Ошибка произошла».

Прошло два месяца.

Отто, Сару и Дашу не тронули.

Одним вьюжным декабрьским днем Вадим вышел из института в задумчивости. Он думал о Клаве. В последнее время что-то ее тревожило и угнетало. Она осунулась, подурнела. Училась кое-как. А сегодня на занятиях выглядела просто напуганной!

Ветер швырял Вадиму снег в лицо. Опустив голову, прошел он несколько метров.

И наткнулся на Клаву! Она его ждала.

– Едва тебя не проглядела, в такую метель, – попыталась она заговорить в их прежнем шутливом приятельском тоне. Чуть улыбнулась.

– Да, настоящая пурга, – сдержанно ответил Вадим.

Почувствовав, что он не откликается на этот тон, Клава стала серьезной.

– Вадим, очень важный разговор есть. Не для чужих ушей. Пойдем ко мне. Очень тебя прошу. – Клава прятала лицо от снега за поднятым воротником пальто. – Деловой разговор, – добавила она, сделав ударение на слове «деловой», как бы заверяя, что не собирается его соблазнять.

– Хорошо.

Почти всю дорогу они молчали. Впрочем, это было естественно в такую погоду. На лестничной площадке долго стряхивали с себя снег. Тоже молча. Войдя в квартиру, Вадим заметил, что фотографии дяди на стене нет.

Они сели на диван.

– Вадим, я жду ареста, – как-то обреченно сказала вдруг Клава. – Ночью Машу забрали. Всю нашу родню арестовывают. Самого дядю еще летом взяли. Как соратника Примакова. И меня из-за дяди в октябре арестовали. Не из-за отца. Про него почти не спрашивали... Вадим, может, мы видимся в последний раз. Я хочу, чтобы ты знал: я ни в чем не виновата. Я всегда нашей партии и товарищу Сталину преданная была. Если меня заберут, ты так и всем в группе скажи. Скажешь?

– Скажу обязательно.

– И еще... Ты, наверно, думаешь, что это я на Тржебинскую донесла? Нет, Вадим! Она ничего антисоветского не говорила никогда. Я ее не любила, но я не могу оговорить человека. Оговаривать – это не по-комсомольски. И вообще не по-людски. Меня бы совесть замучила... Ты мне веришь?

– Верю. – Он действительно ей поверил. – Клава, а об Иванове ты донесла, об анекдоте о Сталине?

Она застыла с открытым ртом. Лицо стало растерянным и жалким.

– Вадя, меня заставили! – торопливо заговорила она. – Это страшные люди... Я сама ни за что бы про анекдот не сообщила. Хотя такие анекдоты осуждаю. Но не считаю это за преступление. Их рассказывают по глупости. Услышала бы антисоветскую агитацию – тогда да, сообщила бы... Меня сначала только про дядю спрашивали, а потом стали еще требовать, чтобы я рассказала о контрреволюционных высказываниях студентов. Я сказала, что таких высказываний не слышала. А я на самом деле не слышала. Будешь молчать, говорят, – не выпустим, если скажешь – освободим. Пришлось про тот анекдот сказать. Они меня же стали обвинять: почему сразу не донесла? Статья, мол, есть за доноительство. Принуждали назвать тех, кто анекдот слышал. Я сказала, что Иван мне только его рассказал. Стояла на своем до последнего. И они меня все же отпустили... – Она немного помолчала и продолжила с обидой и болью: – Вадим, в наши органы враги пробрались! Не могут советские следователи так себя вести. Меня каждую ночь допрашивали. Стоять по стойке «смирно» заставляли. Часами так стояла... Кричали, обзывали по-всякому... – Ее голос на миг пресекся, длинные ресницы задрожали.

– Выпороть грозили... По щекам били... – Клава вдруг разрыдалась. Припала к его плечу.

Вадим утешал ее, как ребенка. Говорил успокаивающие слова. Едва касаясь, гладил по спине.

Он возненавидел следователей, которые допрашивали Клаву, возненавидел Ежова. Вадим был уверен, что это он во всем виноват, что Сталин об этих бесчинствах не знает.

Клава затихла. Вадим убрал руку. Она продолжала прижиматься к нему. Вдруг подняла заплаканное лицо.

– Люблю я тебя, Вадя! Никого, кроме тебя, не любила. Для тебя себя хранила. Очень люблю!

Она сжала ладонями его щеки и принялась горячо целовать в губы. Потом вскочила, начала раздеваться...

Он ушел от нее утром.

Когда они встретились в аудитории, Клава одарила его счастливым и благодарным взглядом.

– А ты смелый, Вадичка, – шепнула она. – Не испугался на ночь остаться. Если бы за мной пришли, у тебя бы неприятности были. А я об этом даже не подумала, представь. Совсем голову потеряла. – Она засмеялась, тихо и коротко.

Ночью Клаву арестовали. Она исчезла навсегда.

Бабушка писем от графини больше не получала.

В 1938 году Вадим поступил в пединститут на отделение русского языка и литературы.

Ежова на посту наркома внутренних дел неожиданно сменил Берия. «Значит, Сталин узнал о бесчинствах в органах», – думал Вадим. Фотография Берии, в пенсне, в шляпе, ему понравилась. Лицо показалось умным, интеллигентным. «Он наведет порядок», – решил Вадим.

Действительно, репрессии пошли на убыль.

В Испании армия республиканцев капитулировала. Установилась фашистская диктатура Франко. Вадим воспринял это как личную трагедию.

В газетах и по радио ругали фашистов – испанских, итальянских и, особенно, немецких. Называли их воплощением мировой реакции. И вдруг в августе тридцать девятого в Москву прилетел министр иностранных дел гитлеровской Германии Иоахим фон Риббентроп. Между Германией и СССР был заключен договор о ненападении. В сентябре, когда уже началась Вторая мировая война, Риббентроп прилетел снова. На этот раз они с Молотовым подписали договор о дружбе и границе. Это сближение было странным и нелогичным. Но Вадим уже привык ничему в политике не удивляться. «Значит, так надо, – убеждал он себя. – Сталин знает, что делает».

Война

1

– Эти тоже малы, – сказал Вадим, возвращая каптерщику сапоги.

Он помнил наставление отца: сапоги надо подбирать тщательно, иначе можно натереть ноги до крови.

Вадима забрали в армию в августе 1941 года. Сейчас им выдавали обмундирование на учебном пункте.

Каптерщик молча протянул ему другую пару. Вадим примерил.

– А эти велики.

На скулах каптерщика заходили желваки. Он дал другие.

– Жмут. – Вадим отставил сапоги.

Каптерщик вдруг схватил их и швырнул в Вадима.

– Одевай какие есть! – заорал он.

Вадим сжал кулаки. Но сдержался. Надел сапоги.

Так началось его знакомство с армией. В его семье царила атмосфера уважения и любви. Говорили друг с другом вежливо, голос не повышали. Два дня он не мог думать ни о чем другом кроме этой сцены. Каптерщика он возненавидел.

Вадим попал в учебный артиллерийский дивизион под Тулой.

Красная армия отступала на всех фронтах, оставляла один город за другим. Но Вадим ни на миг не сомневался, что фашисты будут остановлены, что войну мы рано или поздно выиграем.

Однажды во время занятий курсанты впервые увидели немецкий самолет. Он подлетал к ним на малой высоте. Выпустил пулеметную очередь. Место было открытое. Лишь один молодой дуб рос поблизости. Вадим и еще несколько курсантов укрылись за ним. Вадим прятался за ствол, остальные – за Вадимом, уткнувшись в спины друг друга. Самолет кружил, открывая время от времени огонь, и их вереница кружилась вокруг ствола. Наконец, он улетел. Никто не пострадал. Это их боевое крещение долго было предметом шуток.

Он записался в десантники. Вадим всегда считал, что в воздушно-десантных войсках служат самые отважные. Многие его выбор не одобрили. Говорили, что десантники – это смертники.

Запомнился первый тренировочный прыжок. Когда парашют раскрылся, Вадим испытал восторг. Он парил в небе. Под ним, далеко внизу, была земля – поля, леса, речка. Хотелось петь и радостно кричать.

В октябре Вадима зачислили в воздушно-десантную бригаду.

Немецкие войска рвались к Москве.

Он участвовал в знаменитом параде 7 ноября 1941. Очень хотел увидеть Сталина. Но было не до того, чтобы разглядывать лица людей, стоявших на трибуне Мавзолея. Он больше старался не сбиться, не нарушить строй. Прямо с парада воинские части отправлялись на фронт.

Под Москвой фашисты были разгромлены. Это было их первое поражение во Второй мировой войне.

2

– В последний заброс половина погибла, – говорил Хохлов, опытный солдат со шрамом на щеке. Они летели за линию фронта. Для Вадима это был первый боевой прыжок. Было еще

несколько новичков. Они были взволнованы и напряжены. – Как вспомню!.. Ночь. Спускаемся, а немцы уже нас ждут! Осветительные ракеты запускают, трассирующими пулями стреляют, поливают из автоматов. Мишени из нас получились что надо. Многие труппами уже приземлялись. А кому-то парашют продырявят, он камнем вниз летит и разбивается. Сколько в плен взяли! А десанникам в плен нельзя. Фрицы нас ненавидят. Лютее чем партизан ненавидят. Если десанника в плен возьмут, привязывают его за ноги к двум танкеткам... Танкетка – маленький такой танк... Ну и вот, танкетки в разные стороны разъезжаются, и десанника надвое разрывает... Так что старайтесь в плен не попадаться.

Вадим давно решил, что при угрозе попасть в плен он застрелиться.

– Один раз наш командир отделения, Зюзин, прыгать отказался! – продолжал Хохлов после короткой паузы. Он, видимо, тоже волновался. Поэтому так много говорил.

– Разве можно отказаться? – спросил Муромов, один из новичков, рослый солдат с решительным лицом.

– Ишь, чего захотел!.. – нервно хохотнул Хохлов. – Ну и вот, побелел Зюзин как мел. Лепечет: «Не могу... Я знаю: меня убьют... Чувство такое...» Губы дрожат. А ведь самый бесшабашный всегда был! Самый ловкий. Никакая пуля его не брала. Мы его между собой Везунчиком звали. Взводный орет... Прежний взводный. Погиб он в позапрошлый заброс: парашют не раскрылся... Ну и вот, орет взводный: «Никто не знает, когда его убьют! Прыгай, туды твою растуды! Какой пример подчиненным показываешь? Под трибунал пойдешь! Приказываю: прыгай, так твою разтак!» Тот чуть не плачет: «Не могу». Тогда взводный его схватил и вытолкнул. И ведь не обмануло Зюзина предчувствие! Он, можно сказать, и до земли не долетел. Прямым на дерево приземлился. И башкой – об сук! Как уж так вышло, не знаю. Насквозь сук прошел. Вот уж нелепый конец.

– От судьбы не уйдешь, – вздохнул кто-то.

– Возможно, он погиб потому, что верил в свою гибель, – сказал Вадим.

– Убежденность, что он неминуемо умрет, могла отрицательно повлиять на его способность принимать быстрые и верные решения, даже на координацию движений.

– Умно, умно, – буркнул Хохлов недоверчиво и неодобрительно.

Они подлетели к месту высадки.

– Приготовиться! – раздалась команда.

Страшно было спускаться на парашюте на землю, занятую врагом. И холод пронизывал. Но приземлился Вадим удачно.

В целом высадка прошла успешно. Лишь один десантник не явился на место сбора.

Первой задачей их группы было уничтожение немецкого штаба. Он располагался в деревне недалеко от леса, в здании сельсовета. Там же ночевал начальник штаба. Остальные офицеры занимали другие дома. Подробные сведения десантники получили от одного из немногих оставшихся жителей. Вадим получил задание ликвидировать капитана, жившего в доме на краю деревни. Вокруг дома ходил часовой, невысокий плотный немец. Вадим притаился за деревом. При лунном свете он хорошо видел совсем еще юное лицо часового, угрюмое и сонное. Сначала Вадиму предстояло убрать его. Он должен был подкрасться сзади и всадить часовому кинжал в спину. Этому их учили. Они долго отрабатывали этот прием. Теперь сделать это казалось ему невыполнимым, все его существо восставало. Но Вадим поборол себя. Он знал, что должен это сделать. Сейчас его жизненный путь проходил через это убийство. Другого пути не существовало.

Ночь была морозная. Немец иногда останавливался и начинал притоптывать или бить ногой об ногу. Вадим воспользовался одной из таких остановок. В два прыжка оказался рядом и заколол фашиста. Дверь в дом была не заперта. В первой комнате никого не было. Комнаты освещала луна. Из второй раздавалось легкое похрапывание. Сжимая нож, Вадим прокрался туда. На кровати под двумя одеялами лежал пожилой человек с благообразным лицом. Он

крепко спал. На столе лежали немецкая офицерская фуражка и пистолет. На стуле была аккуратно сложена форма. Вадим приблизился, откинул одеяла и со всей силы вонзил кинжал ему в грудь. Немец дернулся, открыл глаза. В них был ужас. Дернулся еще раз и затих.

Штаб был уничтожен без единого выстрела. Два часа десантники торопливо уходили по лесу подальше от этого места. Наконец, сделали привал. Стали обсуждать операцию, делиться подробностями.

Вадим в разговоре не участвовал. Его нервная система была потрясена до основания. Все его мироощущение было потрясено. Он жалел, что записался в десантные войска.

– Смотрю, с офицером наша баба спит, – рассказывал Хохлов. – Красивая, паскуда! Я их обоих прикончил. Сначала его, потом ее. А как иначе? Она могла шум поднять... Да я и не жалею. Не будет больше под фашистов ложиться. – Он выругался.

В течение нескольких дней десантники совершали диверсии: разрушили два железнодорожных моста и, во многих местах, железную дорогу. Взорвали склад с боеприпасами. Оборвали телефонную связь. Когда стало ясно, что фашисты бросили большие силы для их уничтожения, они ушли.

Начался тяжелый, долгий, многокилометровый марш к линии фронта. Два раза наткнулись на немцев, вступили в бой. Сухпак закончился. Последние сутки они ничего не ели. Переход фронта оказался не легче самого задания. По сути, они должны были сделать это дважды: сначала перейти немецкую линию фронта, затем свою.

Когда они добрались до своей части, им выдали тушенку и настоящие яства в то время – сгущенное молоко и шоколад. Вадим почти все отослал маме.

На счету Вадима было несколько десятков боевых прыжков. Многое он пережил. Одной ночью в лесу их обнаружили фашисты. Была уже весна, снег растаял. Немцы гнались за ними с овчарками. Никак не удавалось запутать преследователей, оторваться от них. Лай слышался все ближе и ближе. Десантников спас ручей. Они перешли его, и собаки потеряли след.

Как-то десантники при приземлении оказались рассеяны на большой территории. Многие, в том числе Вадим, не смогли добраться до места сбора. Он и еще несколько солдат объединились, стали воевать самостоятельно, маленькой группой. Вадим, как старший по званию, ее возглавил. Они нашли партизан, действовали вместе с ними. Мама получила извещения, что Вадим пропал без вести. Это было для нее потрясением: тогда такие сообщения означали, как правило, или плен, или смерть. Лишь через две недели они перешли фронт и возвратились в свою часть.

Иногда в тыл врага забрасывались большие десантные соединения, они вели крупномасштабные боевые действия. Так было, например, в мае и июне 1942 года, когда десантники вывели остатки конницы генерала Белова из окружения. Конники были голодные, измученные. Некоторые теснили десантников конями, требовали поделиться продуктами. Во время этой операции Вадим несколько раз ходил в разведку. Он уже был сержантом, заместителем командира минометного взвода. Минометы тоже сбрасывали на парашютах. Как-то ночью, выполнив задание, он никак не мог выйти к нашим. Куда бы он ни направлялся, везде слышалась немецкая речь. Положение становилось отчаянным: приближался рассвет. И вдруг раздался русский мат. Это были свои! Матершину Вадим не любил, но тогда ему показалось, что приятнее для слуха звуков он не слышал.

В той же операции Вадим участвовал в штыковой атаке. Получилась она внезапно, стихийно. Даже непонятно было, кто ее первым начал. Немцы, самоуверенные, упитанные, в большинстве своем высокие, шли в полный рост, не торопясь, молча. Судя по всему, они были навеселе. Наши с громогласным яростным «Ура!» побежали им навстречу. И началось побоище. Фашисты и красноармейцы кололи друг друга штыками, кинжалами, били прикладами. Наши ловко орудовали и саперными лопатами. Слышались вскрики, охи, стоны, пыхтенье, русская и немецкая ругань. Вадим заколол штыком двух немцев. Сцепился с огромным толстым

фашистом. Тот опрокинул Вадима, навалился на него всей своей тушей. Вадим в школе был одним из лучших борцов, но сейчас он ничего не мог сделать, даже руку поднять. Противник одолел его не силой, не ловкостью, а весом. Фашист занес над ним кинжал. Вадим смотрел в его водянистые холодные глаза и ждал удара. Вдруг немец уронил голову, обмяк. Придавил его еще больше. Кто-то перевернул безжизненное тело фашиста на спину. Над Вадимом стоял Гаврила Муромов. Это он ударом саперной лопаты прикончил толстого немца. Вадим поднялся. Вдруг противники, без какой-либо команды, стали расходиться. Видеть такое было непривычно и удивительно. Рукопашная схватка закончилась так же неожиданно, как и началась.

Воевал на фронте и Лунин-старший. Он снова пошел в армию добровольцем. Как в гражданскую войну.

А дочь тети Нади Вера служила механиком в женском авиационном полку.

3

В мае 1942 года советская армия перешла в наступление под Харьковом. Оно обернулось тяжелейшим поражением. Развивая успех, враг неудержимо рвался к Волге и на Северный Кавказ. Происходящее на южном участке фронта напоминало отступление прошлого года. Словно и не было разгрома фашистов под Москвой.

На защиту Сталинграда начали перебрасывать и десантников. В июле полк, где служил Вадим, занял оборону на передовой, на открытой местности.

– Окопаться в полный профиль! – скомандовал Вадим. Он уже месяц в звании старшего сержанта командовал минометным взводом.

Это означало, что для миномета надо было вырыть яму диаметром 180 сантиметров и глубиной 80 сантиметров, а слева и справа от нее – узкие окопы в человеческий рост для наводчика и заряжающего.

Вадим проверил, как окопался взвод. Все выполнили приказ добросовестно. Лишь наводчик Маматов вместо окопа выкопал себе неглубокую ямку. В ней в лучшем случае можно было сидеть на корточках. Маматов был ленив и неисполнителен. Вадим измучился с ним.

– Это что такое! – закричал Вадим во всю мочь. – Немедленно выкопать в полный рост!

Солдаты с удивлением посмотрели на него. Он и сам смутился. Никогда прежде не повышал он голос на подчиненных. Он вообще никогда в жизни не повышал ни на кого голос. Считал это недопустимым. Случилось это совершенно неожиданно, против его воли. Вадим понимал, что он кричал не потому, что стал командиром. Это был нервный срыв. Сказались прыжки в тыл врага, уничтожение немецких штабов. Ему было стыдно.

Он вернулся на свое место. Стали ждать вражескую атаку. Немцев видно не было. До пологих холмов на горизонте простиралась безлюдная степь. Лишь в небе летали «Мессершмитты» и «Юнкерсы». И ни одного нашего самолета! Было жарко. Резко пахло пылью.

– Танки! – с наигранной веселостью сказал кто-то.

Действительно, из-за холмов показались немецкие танки. Их было неправдоподобно много. Когда они приблизились на достаточное расстояние, Вадим приказал стрелять. Минометы взвода дали залп. Другие подразделения тоже открыли огонь – из орудий, минометов, противотанковых ружей. Несколько танков было подбито. Но железная лавина продолжала быстро двигаться. Танки тоже стреляли. Один танк ехал прямо на Вадима. Он кинул гранату, она взорвалась за танком. Вадим вжался в окоп. Танк прогромыхал над ним, осыпая землей. И помчался дальше.

Фашистские танки просто проехали по нашей линии обороны и, не меняя направления, не сбавляя скорость, стали удаляться.

Потрясенные солдаты разгибались, отряхивались.

– Многое я повидал, – заговорил Хохлов, снимая пилотку и вытряхивая из нее землю, – но что бы гусеница немецкого танка в нескольких сантиметрах над башкой проскрежетала! Да...

К Вадиму подбежал испуганный солдат.

– Товарищ старший сержант, Маматова танк переехал!

Свой окоп Маматов так и не углубил. Или не успел, или проигнорировал приказ. В этой его ямке Вадим увидел только кровавое месиво.

Взвод потерял шесть человек и два миномета.

– Вот так фрицы фронт и прорывают, – рассуждал Хохлов. – Теперь пехоту надо ждать...

А танки развернуться – и нам в тыл! Вот так в окружение и попадают...

– Да хватит канючить уже! – оборвал его Муромов. Недавно он стал ефрейтором и командиром отделения.

Но немецкой пехоты они не дождались. Полк получил приказ отступить.

Отступали поспешно, под бомбами немецкой авиации, боясь нарваться на вражеские танки в нашем тылу, рискуя попасть в окружение.

В начале августа их воздушно-десантный корпус был преобразован в гвардейскую стрелковую дивизию.

Их батальон закрепился в большой деревне. Жителей в ней почти не осталось. Было приказано защищать ее до последнего патрона. Вскоре подошли немцы.

Батальон получил новый приказ – атаковать.

Перед самой атакой Вадим, чтобы поднять дух подчиненных, пару раз незамысловато пошутил. Шутки удались: солдаты рассмеялись. Потом он с криком «За родину! За Сталина!» повел взвод в наступление. Он бежал впереди.

Немцы встретили их шквальным огнем. Атака батальона захлебнулась. Потери были огромные. Во взводе Вадима был убит или ранен каждый четвертый.

Несмотря на это, вечером поступил приказ провести ночную атаку. Застать фашистов врасплох не удалось. Они стреляли трассирующими пулями. Расстреливали красноармейцев из пулеметов. Эта атака тоже провалилась. И снова наши понесли большие потери.

На другой день батальон сделал еще одну попытку выбить немцев с их позиций. Но огонь противника был таким плотным, что сразу пришлось залечь. Казалось, у фашистов пристрелен каждый квадратный метр. Наши поползли назад.

Настроение у всех было подавленное. Вадим старался ободрить подчиненных. Он и теперь ни на миг не сомневался, что в этой войне враг будет побежден.

После обеда он вышел из дома на окраине деревни, в котором располагался командный пункт взвода, и столкнулся с Хохловым.

– Командир, разговор есть. – Как старый знакомый, Хохлов субординации не придерживался. – Ну ты видишь, что происходит, командир? Посылают в атаку, а фрицы нас как в мясорубке перемалывают. На верную смерть посылают. – Вадим молча слушал. Старался понять, к чему он клонит. – Все мы здесь смертники. Фрицы танки подгонят, и не удержать нам оборону... Ну и вот... – Хохлов на миг замолчал. Посмотрел, как будто с вызовом, Вадиму в глаза. – Слушай, давай перейдем к немцам!

У Вадима открылся рот.

– Как ты можешь такое говорить! – возмутился он. И стремительными шагами пошел дальше. Хохлов остался на месте.

Вадим был потрясен. Но на Хохлова не донес.

Немцы пока не атаквали. Видимо, подтягивали силы.

Утром обнаружили, что Хохлов пропал.

– Сбежал, гад! – догадался Муромов. Он сжал кулаки – А я нутром чуял, что он предатель.

Ровно в десять утра заработала немецкая артиллерия. Было много разрушений и жертв. Погиб комбат. Оторвало ногу командиру роты. Артподготовка длилась полчаса, затем началось немецкое наступление. Впереди ехали танки. За ними бежала пехота.

Батальон отбил атаку. Фашисты отступили, оставив дюжину подбитых танков. Некоторые из них горели. От жара пламени броня лопалась, полосы стали скручивались как горящая бумага.

Не прошло и часа, как фашисты вновь пошли в атаку. И опять были отбиты. Теперь атаки следовали одна за другой. Немецкие танки наезжали уже на них со всех сторон. Они заняли круговую оборону.

Когда был выбит весь офицерский состав, Вадим взял командование батальоном на себя.

Их ряды редели. Они лишились половины минометов. Из трех их орудий два были разбиты. Заканчивались снаряды. Бойцы оборонялись из последних сил.

У Вадима на поясе всегда висел заряженный немецкий пистолет «Парабеллум». Если пленение было бы неминуемым, он выстрелил бы из него себе в сердце. Вадим даже отработывал это движение.

Уже шесть дней батальон держал оборону. Из них три – под началом Вадима.

Во время одной из атак он был ранен. Пуля прошла навывлет через левую руку, не задев кость, и чиркнула по груди. Комсомольский билет в нагрудном кармане гимнастерки был пробит.

Муромов оторвал от своей гимнастерки рукав и перевязал рану. Покачал головой.

– В рубашке ты родился, Вадим.

Они стали друзьями с тех пор, как Гаврила спас Вадиму жизнь в рукопашном бою.

Немцы заметили, что оборона ослабевает, и стали атаковать чаще. Каждая такая атака могла стать для защитников последней.

Неожиданно ночью пришло подкрепление!

Вадим от радости заплакал.

Он опять командовал взводом. Новый командир роты хотел отправить его в госпиталь, но Вадим настоял на том, что останется в строю.

Во время очередной артподготовки был тяжело ранен в живот рядовой Перетятко. Он корчился на дне окопа, зажимал руками вывалившиеся внутренности и жалобным голосом твердил:

– Воды!.. Воды!.. Братцы, дайте воды!.. Хоть глоток!..

Вадим знал, что раненым в живот пить нельзя. Но солдат так умолял, что он не выдержал. Решил, что от маленького глотка вреда не будет. Воды ни у кого не нашлось. Перед окопом, метрах в десяти, стоял подбитый немецкий танк. В нем могла быть вода. Вадим пополз к танку. Вокруг рвались снаряды. Вадим благополучно к нему подполз, хотел уже забраться внутрь, и в этот миг в танк угодил зажигательный снаряд. Раздался взрыв, вспыхнуло пламя. Больше Вадим ничего не помнил.

Очнулся он в окопе. Над ним склонился Гаврила.

– Наконец-то! Очухался. Я же говорю, в рубашке родился!

Вадиму обожгло лицо, опалило волосы. Гудела и сильно болела голова. И болел левый глаз.

– Атака не началась? – спросил Вадим.

– И началась, и закончилась. Обили мы атаку. – Муромов и еще один солдат приволокли Вадима в окоп, когда немцы уже наступали.

– Что с Перетятко?

– Умер.

После контузии Вадим остался на передовой. Несмотря на уговоры. Чувствовал он себя отвратительно. Мучили головные боли. Движения стали какими-то замедленными.

Он слышал, как солдаты между собой называли его: наш негр.

Через два дня, за обедом, Муромов веско произнес:

– Вадим, иди в госпиталь. А то без глаза останешься. – Он протянул Вадиму карманное зеркало. – Ты глянь на себя!

Из зеркальца на Вадима смотрел незнакомый человек. Черное от сажи, раздутое с левой стороны лицо. Опаленная рыжая борода. Заплывший, слезящийся левый глаз. Гноящееся веко. Суровые складки у губ. Засохшие пятна крови на гимнастерке. Рука на перевязи.

– Полечишься, отлежишься, – говорил Гаврила. – Все равно сейчас от тебя пользы здесь мало.

Солдаты поддакивали.

– Как мало пользы? – с серьезным лицом возразил Вадим. – Я немцев буду своим видом отпугивать. Увидят меня и побегут без оглядки.

Бойцы захохотали. Но продолжали настаивать, чтобы он шел в госпиталь. Они своего командира взвода любили и берегли.

И Вадим согласился.

Он попал в эвакогоспиталь в селе Малая Ольховка. Ему поставили диагноз «Контузия и ожог глаза второй степени».

Удивительно это было: лежать на чистой постели, во всем чистом, слушать музыку. Совсем он от этого отвык. В их палате на стене висел репродуктор. Вадим, как всегда, просыпался рано. Он был жаворонком. И с нетерпением ждал, когда заговорит радио. Оно наполняло жизнь. Вадим с жадностью слушал все: новости, радиопостановки, чтение рассказов, стихов. Наслаждался музыкой.

И еще один больной рано просыпался – Дудин, глухонемой. Он лежал напротив Вадима у другой стены. Слух и речь Дудин потерял после контузии. Общались с ним жестами. Или писали на бумажке. Было что-то странное в его пробуждениях. Но что именно, Вадим не мог сообразить.

На четвертый день пребывания в госпитале Вадим, как обычно, проснулся раньше всех. Думал о войне. О себе. Ему не в чем было себя упрекнуть. Он вел себя на фронте достойно. Вот только на Маматова не надо было кричать. Ну, и плакать не стоило. Заговорило радио. Открыл глаза Дудин. Открыл глаза... И тут Вадим понял, что было странным в поведении Дудина. Он открывал глаза, как только радио начинало работать, не раньше и не позже. Это повторялось каждое утро. Выходит, он все слышал! Значит, Дудин был или симулянтом, или шпионом.

Вадим пошел к врачу, рассказал о своих наблюдениях. Через полчаса Дудина увели.

На другой день, во время обхода, тот врач поблагодарил Вадима за бдительность.

– Разоблачили Дудина. Его завели в кабинет, а за шкафом особист стоял с пистолетом. Особист выстрелил в потолок. Дудин вздрогнул, подскочил. Действительно, он диверсантом оказался.

В госпитале Вадиму вручили две медали – «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». За руководство обороной деревни, очевидно. Медаль «За боевые заслуги» считалась равноценной ордену.

После лечения его отправили Москву, на офицерские курсы.

4

Свою первую увольнительную Вадим начал с бесцельного хождения по московским улицам. Настроение было приподнятое. День выдался солнечным. Лишь на севере висели темные тучи. И вдруг он лицом к лицу столкнулся с отцом! Они крепко обнялись. Причем Вадим легко оторвал отца от земли. Он удивился, каким тот стал легким. На Луние-старшем были лейтенантские погоны. Он приехал в Москву по командировке. Через час возвращался на фронт.

Они дошли до остановки, сели на скамью, завели оживленный разговор. Отец сказал, что бабушка умерла. От водянки. Вадим проводил его на вокзал.

Он задумчиво шел по улице. Думал о бабушке, о ее мучительной смерти. Об отце. Судя по всему, его здоровье тоже было подорвано.

Навстречу ехал, набирая скорость, трамвай. Лунин вдруг резко остановился. Он увидел в окне трамвая красивую девушку. Он мгновенно всем своим существом понял: именно о такой девушке он всегда мечтал. Это его идеал! Она, не отрываясь, глядела на него. Возможно, и он для нее был идеалом. Лунин подскочил к трамваю, крикнул: «В четыре часа у Минина и Пожарского!» Девушка слегка улыбнулась, кивнула. Трамвай уехал.

Вадим полюбил эту девушку. Он был радостно возбужден, захвачен мечтами. Знал: он сделает все, чтобы быть с ней вместе всю жизнь. Но иногда приходила страшная мысль: «А вдруг что-то помешает!»

Погода портилась. Все небо затянули грозные черные тучи. На душе стало тревожно. И в три часа хлынул небывалый ливень. Полчетвертого он прибежал с букетом цветов к памятнику. С Вадима струйками стекала вода. Он все готов был отдать ради того, чтобы ливень прекратился! Но тот лил и лил. Вадим ждал полтора часа. Ждал бы, наверно, и дольше, но увольнительная уже заканчивалась. Девушка так и не пришла.

Учеба на курсах давалась ему легко.

Как-то к ним приехал Буденный. Вадим был дежурным. Он отпрапортовал маршалу, и тот пожал ему руку.

Один раз он стоял на посту у Мавзолея. Перед этим курсанты долго тренировались, оттачивали каждое движение.

Наступление фашистов было остановлено. В Сталинграде линия фронта проходила по улицам, даже по подъездам и этажам. Зимой немецкая группировка под Сталинградом была окружена и уничтожена. Для Германии это стало катастрофой. Красная армия перешла в наступление по всему фронту.

Жизнь шла своим чередом, радости сменялись огорчениями. Но одно ликующее чувство – сознание, что в войне наступил перелом, враг отступает, победа неизбежна – жило теперь в Вадиме постоянно.

Курсы закончились. Вадим был произведен в младшие лейтенанты. Приятное это было чувство – прикреплять к погонам офицерские звездочки. Его тут же отправили на фронт.

Он снова командовал минометным взводом. Участвовал в форсировании Днепра. Наши части переправлялись на другой берег с огромными потерями.

Он считался командиром толковым, находчивым. Видимо, именно поэтому начальник штаба полка дал ему однажды необычное задание. Их часть стояла тогда в резерве. Вечером начальник штаба вызвал Вадима в свой кабинет.

– Печать надо сделать. Вот образец. Я тебе здесь на ночь запру. Чтоб к утру печать была!

Он ушел, заперев дверь. Вадим ходил из угла в угол, как тигр в клетке. Что-то оскорбительное было в этом запирании. Само задание походило на издевку. Ведь нужных инструментов и материалов в кабинете не было. Однако Вадим не отчаивался. Вспоминал любимую поговорку мамы: «Голь на выдумку хитра».

Через два часа печать была готова! Он оторвал от своего сапога каблук, обрезал финкой и вырезал на нем печать. При этом сообразил, что вырезать надо зеркальное изображение рисунка. Когда начальник штаба отпер утром кабинет, Вадим молча протянул ему печать. Тот остался доволен.

Летом сорок четвертого их дивизия участвовала в наступлении на белорусском направлении. Продвигались вперед с тяжелыми боями, через леса и болота. В сильно заболоченной местности часами стояли в окопах по пояс в воде. Враг яростно сопротивлялся. Гитлер запретил отступать.

К концу августа Белоруссия была освобождена.

Вадим был награжден орденом Красной Звезды.

Как-то он и еще пять лейтенантов получили приказ построиться перед штабом. Должен был приехать генерал и выбрать одного из них себе во временные адъютанты. Генерал явился, прошелся два раза перед их шеренгой, задал каждому по несколько вопросов. И выбрал Вадима.

Теперь в распоряжении Вадима был автомобиль «Опель», шофер. Часто приходилось общаться по телефону с военачальниками. Многие из них могли в разговоре с легкостью перейти на крик и мат.

Под его начальством была дюжина машинисток. Они все в него влюбились. Зина, самая красивая и самая бойкая, сама предложила «завести роман». Они встречались при каждом удобном случае. Но большой любви к ней Вадим не чувствовал. Она казалось ему вульгарной.

Однажды Зина встретила его с виноватой улыбкой.

– Вадичка, нам придется расстаться. Генерал на меня глаз положил.

Тяжело было услышать такое. Вадим развел руками.

– Ну, что ж делать.

На прощание они обнялись, поцеловались. У Зины навернулись слезы на глаза.

– Никогда тебя не забуду, – прошептала она. – Не смогу забыть.

Врио адъютанта, то есть временно исполняющим обязанности, Вадим прослужил два месяца. Потом вернулся в свой полк.

Вскоре их часть вошла в состав войск НКВД по охране тыла. Так Вадим помимо своей воли стал энкавэдэшником.

Победу Вадим встретил в госпитале под Кенигсбергом. Он лежал там с высокой температурой. В палату вбежала медсестра, отыскала Вадима глазами, бросилась к нему, стала целовать. Он сначала опешил. «Победа!» – крикнула она. В этот день были жертвы. Солдаты пили, стреляли из автоматов в воздух. У очень пьяных автомат при стрельбе непроизвольно опускался, и очередь косила сослуживцев. Трудно представить более обидную и нелепую смерть.

5

Но для Вадима война не закончилась. Их часть перебросили в Литву, на борьбу с лесными братьями. Они оказывали вооруженное сопротивление советским властям. Скрывались в лесах. Там у них были тайники. Обычное с виду дерево наклонялось, вместе с корнями и кубом почвы, и открывался четырехугольный вход в убежище. В нем хранились, боеприпасы, продовольствие. Там несколько человек могли жить долгое время. На деревьях сидели снайперы, так называемые кукушки.

Когда они стояли неделю в деревне под Шауляем, в него влюбилась дочка хозяев Милда. У нее было милое, простодушное и совершенно славянское лицо. При виде Вадима она заливалась румянцем. Совсем как учительница литературы в Вольске. Милда бесхитростно и целомудренно пыталась ему понравиться, привлечь к себе внимание. Вадим делал вид, что ничего не замечает.

Однажды она встретила его у порога дома и, волнуясь, спросила:

– Что вы... любите кушать... больше всех?

По-русски Милда говорила с сильным акцентом, с трудом подыскивая слова. Он иногда учил ее русскому языку, а она его – литовскому. Они изумлялись, как похожи многие слова.

– Грибы, – с некоторым удивлением ответил Вадим.

Девушка кивнула головой. Они разошлись.

Вечером она принесла ему тарелку жареных грибов. Вадим искренне обрадовался. Грибы он действительно очень любил. Девушка ждала, когда он начнет есть. Вадим попробовал. Признательно посмотрел на нее.

– Очень вкусно! Спасибо, Милда!

Литовка просто расцвела. И тут же убежала.

Через два часа Милду арестовали. Видели, что она ходила в лес, и заподозрили в связях с лесными братьями.

Допрос вел майор Брехов. Это был невысокий грузный человек. Его одутловатое лицо с низким лбом и лягушачьим ртом казалось бы глупым, если бы не сверлящий недобрый взгляд. Вадим почувствовал к нему антипатию, как только увидел первый раз. Брехова никто не любил. Между собой все звали его Жабой.

На допросе присутствовали Вадим, еще один офицер и солдат.

Милда стояла посреди комнаты. Ее полудетское лицо выражало не столько испуг, сколько недоумение. Брехов подошел к ней. Заложив руки за спину, расставив ноги, он молча ее рассматривал. Не в силах выдержать этот пронизывающий взгляд, Милда опустила глаза.

– Зачем в лес ходила? – вдруг рявкнул Брехов.

Девушка вздрогнула. Ответила тихо, но твердо:

– За грибы.

– За грибы, значит... С лесными братьями давно снюхалась?

– Я.. не снюхалась...

– Врешь! – заорал майор.

Милда покраснела. Брехов продолжал грубо кричать на нее. Поднес кулак к ее носу.

Вадим переступил с ноги на ногу. Не мог он на это смотреть! Вся его душа восставала. Вадим знал о жестокости «лесных братьев» по отношению к красноармейцам, коммунистам и даже обычным литовцам, сотрудничавших с советской властью. Понимал, что бороться с ними надо беспощадно. Но он совершенно не верил в виновность Милды. И даже если бы верил, то считал бы недопустимым так обращаться с девушкой. Вадим всегда помнил слова бабушки: «Мужчина не имеет право оскорблять женщину, даже худшую из худших». «Вот такие, как Жаба, над Клавой издевались», – мелькнула мысль.

Милда взглянула на Вадима, как бы ища защиты.

– Товарищ майор, разрешите? – поспешно сказал он. – Я убежден, что она говорит правду! За все время, что я живу в их доме, она у меня ни малейшего подозрения не вызвала. Посмотрите на нее. Она еще ребенок... А грибы она в самом деле принесла.

Брехов, повернувшись, злобно уставился на Вадима. Вадим твердо выдержал этот взгляд.

– Увести ее! – приказал солдату майор.

Милду увели.

– Ишь, защитничек нашелся! – Он все еще говорил в повышенном тоне. – Ребенок! Да ты понимаешь, лейтенант, что тут кругом враги? Каждый день людей теряем. И из-за таких ангелочков в том числе!.. А может, у тебя с ней шуры-муры? Поэтому и защищаешь?

Вадим сжал кулаки. Брехов заметил это движение. Махнул рукой.

– Ладно, все свободны.

Он распорядился доставить Милду в Шауляй.

Этот допрос произвел на Вадима тягостное впечатление.

Он решил уволиться из армии при первой возможности. Война закончилась. Фашистская Германия была побеждена. Свой долг защитника отечества он выполнил. Связываться с армией свою судьбу он не собирался. Это было не его призвание. Тем более служба в войсках НКВД.

Вадим так и не узнал, освободили Милду или нет. Их подразделение передислоцировали в предместье одного из литовских городов. Он стал помощником начальника 1-го отделения оперативного отдела.

Однажды взяли в плен одного из командиров лесных братьев. Его допрашивал начальник отделения капитан Айвазян. Он сидел за столом. Вадим, майор Чарочкин и переводчик стояли у двери. Чарочкин за какую-то любовную историю был понижен в должности и подчинялся Айвазяну. Литовец сидел перед столом на табуретке. Он зарос рыжей щетиной. Из-под густых рыжих бровей глядели злые зеленые глазки. Был он невысок, но плотен и широкоплеч. На вопросы литовец не отвечал. Неожиданно он вскочил и со страшной силой надвинул стол на Айвазяна. Припечатал того к стене. Затем бросился к окну и, разбив стекло, выломав раму, выпрыгнул. Все произошло в мгновение ока. Вадим и майор успели лишь вынуть пистолеты. Они выпрыгнули вслед за ним. Кабинет располагался на втором этаже. Литовец бежал к высокому дощатому забору, огораживавшему их часть. Вадим и Чарочкин стали в него стрелять. Находившиеся во дворе военные тоже открыли стрельбу. Казалось, все пули попадают в него. Его военная форма покрылась красными пятнами. Но литовец продолжал бежать. Непостижимо было, откуда у него берутся силы. Он подбежал к забору и перемахнул через него!

Вадим с майором тоже перепрыгнули через забор. Ворота части распахнулись, из них выбегали офицеры и солдаты.

Литовец лежал на спине, раскинув руки и ноги. Он был изрешечен пулями. На губах появилась кровавая пена.

– Застрелите... меня... – прохрипел литовец.

И Вадим с Чарочкиным пожалели его, застрелили.

Подбежали другие военные. Стали вокруг распластанного тела. Вадим опустил дымящийся пистолет в кобуру.

– Жаба явилась, – сказал один из офицеров.

Из ворот части вышел и засеменил к ним Брехов. Он был уже подполковником.

Ему объяснили, что произошло.

– Зачем пристрелили? – закричал он на майора и Вадима. – Кто разрешил? Он ведь уже не мог убежать! Подлечили бы его, и он бы ценнейшие показания дал! Под трибунал пойдете!

– Ему оставалось жить минуты или секунды. Нельзя уже было его спасти. Просто от предсмертных мук избавили, – попытался объяснить Вадим.

– Молчать! – завопил Брехов. Он приблизился к Вадиму. – Жалостливый какой! – И разразился гневной тирадой, наполовину состоявшей из мата. Когда Брехов начинал кричать, он уже не мог остановиться.

Вадим не выдержал. С размаху положил руку на расстегнутую еще кобуру и сделал широкий стремительный шаг по направлению к подполковнику.

Брехов опешил, отпрянул. Попятился назад, споткнулся о руку трупа и упал на спину. Раздались сдавленные смешки. Никто не помог ему подняться. Не дожидаясь, когда Брехов встанет, Вадим направился к воротам.

Вадим и майор сознавали, что слова Брехова о трибунале не пустая угроза. Выходка Вадима с кобурой только усугубляла положение. Ждали ареста. Таких мучительных дней в жизни Вадима еще не было. Но все как-то обошлось.

Литовец сломал начальнику отделения столом несколько ребер. Айвазян лежал в госпитале. Вадим временно возглавил отделение. Теперь Чарочкин подчинялся ему, старшему лейтенанту. Майор был человеком добродушным, веселым, по-своему обаятельным. Он оказался большим ценителем женщин. Это и привело его к гибели. Каждый вечер повторялось одно и то же. Чарочкин просил Вадима отпустить его в город. Тот отказывался, говорил, что это опасно. Майор настаивал, доказывал, что с ним, «опытным волком», ничего не случится. И Вадим, скрепя сердце, уступал. Из очередного такого похода майор не вернулся. Утром его нашли в переулке с перерезанным горлом. Вадим опасался, что спросят с него. Но снова все обошлось. Наверно, потому, что он был на хорошем счету у начальства.

В течение лета Вадим неоднократно подавал прошения об отставке. Объяснял свое решение желанием закончить институт. И каждый раз получал отказ. Лишь в сентябре 1945 года его, наконец, уволили в запас, с правом занимать должность помощника начальника штаба полка.

При увольнении Вадиму предложили остаться в городе и стать или директором мясокомбината, или директором театра. Последняя должность его заинтересовала. Ведь она была связана с искусством. Но после трезвых размышлений он отказался. Ему пришлось бы решать задачи не столько творческие, сколько административные и хозяйственные. Вадим поехал домой.

Примерно в это же время уволился из армии отец. Их боевые пути оказались удивительно похожи. Оба закончили войну в Германии. Вадим – в Кенигсберге, Лунин-старший – в Берлине. Оба – старшие лейтенанты. Оба награждены орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» Оба вернулись домой живыми и невредимыми.

Мама дождалась и мужа, и сына. Такое случалось не часто.

Любовь

1

– Какая красивая пара!

Интеллигентного вида старичок стал на краю тротуара, оперся на трость и с удовольствием смотрел на Наташу и Вадима. Они улыбнулись в ответ и прошли мимо.

Наташу Соколову действительно признавали самой красивой студенткой института. Соседки Вадима, сестры десяти и двенадцати лет, даже бегали иногда к институту, чтобы на нее полюбоваться.

Они учились в одной группе. Это была прекрасная девушка – добрая, умная, чистая, возвышенная. Родители ее были из «бывших». В тридцатые их почему-то не тронули. Вадим иногда встречал Максимилиана Ивановича, Наташиного отца, в продуктовом магазине. Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного дома. Соколовы жили на втором. Каждое утро Максимилиан Иванович звонил по телефону завмагу, спрашивал, привезли ли молоко. Если привезли, спускался в магазин, в домашней пижаме, импозантный, вальяжный.

Вадим жил в соседнем квартале. Лунины перебрались в Саратов из Вольска в начале сорок шестого. У них была двухкомнатная квартира в трехэтажном доме.

Наташа давно была влюблена в Вадима. В него влюблялись многие. Первые месяцы учебы он приходил в институт в военной форме. Она делала его еще неотразимее. Студентки, из других групп и курсов в том числе, старались попасться ему на глаза, понравиться.

К Наташе Вадим относился с большой симпатией. Но не любил. И хотел бы полюбить, но не мог. Не было в ней внутреннего огня.

Они шли в кино. Наташа предложила посмотреть довоенную советскую комедию «Цирк».

Этот апрельский день выдался особенно теплым. Повсюду таяли остатки снега. Журчали ручьи. Весна, как всегда, волновала Вадима. Душа жаждала любви. Как было жаль, что Наташа не соответствует его идеалу. Несмотря на свою идеальную красоту.

Когда рассаживались в зрительном зале, на соседнее сиденье, слева от Вадима, опустилась девушка в серой вязаной шапочке. Вадим мельком взглянул на нее. И замер. Девушка глядела на него смеющимися, искрящимися светло-кариими глазами. На губах играла загадочная полуулыбка. Ее лицо нельзя было назвать очень уж красивым, но сколько в нем было обаяния! Оно выражало и теплую женственность, и своенравное озорство, и живой ум. Во внешности ее было, отчасти, что-то восточное.

Она порывистым движением сняла шапочку и положила на колени. Эта женская порывистость всегда покоряла Вадима. За порывистыми движениями он угадывал порывистую, страстную душу. Девушка стала смотреть на экран. Он тоже. Погас свет. Начались обязательные перед фильмом новости.

Вадим не отрывал взгляд от экрана, но боковым зрением замечал, что девушка время от времени посматривала на него.

Начался фильм. Девушка вполголоса сделала остроумное и меткое замечание об игре одного из актеров. Вадим не смог удержаться от смешка. Он тоже пошутил. Девушка тихо засмеялась. Кто-то сзади на них зашикал. Наташа сделала нетерпеливое движение рукой. Очевидно, осуждала Вадима и девушку.

Вадим рассеяно смотрел на экран и думал о том, что встретил свой идеал. Второй раз в жизни. Идеал сидел рядом, касался локтем его локтя, смеялся его шуткам.

Фильм закончился. Зажегся свет. Зрители потянулись к выходу. Наташа встала. Вадим продолжал сидеть. Как бы ждал, когда освободится проход. И девушка сидела. Он хотел, чтобы

Наташа отошла от них. Он бы назначил девушке встречу. Может, даже сказал бы о своих чувствах. Однако Наташа не двигалась с места. Словно угадала его намерение.

Что делать? Не мог же он при ней договариваться с девушкой о свидании. Встретить ту, которую он искал всю жизнь, чтобы тут же ее потерять? Как тогда, в Москве. Это было невыносимо. Вадим лихорадочно искал решение. Сказать с отсутствующим видом, глядя на потухший экран, как бы про себя: «Понравился мне фильм. Завтра снова его посмотрю»? И добавить: «В это же время». Нет, что-то не то...

Девушка пришла ему на помощь.

– А я вас знаю! – весело воскликнула она. – Вы на четвертом курсе учитесь, на филологическом. А я на третьем, на инфаке. Будем знакомы. Маша Коган.

Она непринужденно протянула ему руку. Вадим с плохо скрываемой радостью пожал ее. Рука была горячая. Как он и ожидал. Вадим тоже представился. Наташа в разговоре не участвовала.

Они направились к выходу. У кинотеатра Вадим попрощался с Машей. Они обменялись многозначительными взглядами. Коган и Наташе сказала: «До свидания». Та сдержанно ответила.

Вадим проводил Наташу до дома. Он старался ничем не выдавать ликования, бушевавшего в груди. Наташа была печальной и молчаливой.

Конечно, на следующий же день он отыскал Машу в институте. Всю перемену они проговорили без умолку.

И остальные перемены они были вместе. С прекрасного лица Наташи не сходила грусть.

Вадим и Маша полюбили друг друга.

– Судьба нас соединила. Ведь я в тот день в кино не собиралась, – с улыбкой вспоминала она. – Это подруга простудилась и свой билет – счастливый билет! – мне отдала.

Все свободное время они не расставались. Маша приходила в гости. Лунины полюбили ее сразу. Ее общительность, веселость, остроумие были им по душе. Они ценили шутку.

И Вадим иногда заходил к ней. Мать у Маши была русская, а отец – еврей. Они работали в издательстве. Судя по всему, Вадим произвел на них хорошее впечатление. У Маши была гитара. Она хорошо играла и пела.

Вадим и Маша понимали друг друга с полуслова. У них были родственные души. Никогда не возникало ни ссор, ни даже пустяковых недоразумений. Именно о такой любви мечтал Вадим. Впервые в жизни он был совершенно счастлив.

Об их любви знал весь институт. Декан полушутя, полусерьезно говорил, что при распределении Вадима обязательно оставят в Саратове, не станут разлучать такую замечательную пару.

Так и случилось. После окончания института Вадима сразу назначили на должность инспектора облоно – областного отдела народного образования. Это был беспрецедентный случай. Несомненно, сыграло роль то обстоятельство, что Вадим был в свое время старшим лейтенантом НКВД.

Однако он проработал инспектором лишь два месяца.

Стояние в белорусских окопах, в воде, не прошло даром. С тех пор у Вадима время от времени, без видимых причин, подсакивала температура. Он не придавал этому большого значения. Теперь температура стала подниматься и чаще, и выше. Маша настояла, чтобы Вадим пошел к врачу. У него признали хроническое воспаление крови. Назначили инъекции пенициллина. Уколы взялась делать Маша.

Вадим взял отпуск по состоянию здоровья. Он, как участник войны, получил путевку в ялтинский санаторий.

Они с Машей решили пожениться, как только Вадим вернется из Ялты.

Черное море Вадим полюбил. Это была любовь с первого взгляда. В Кенигсберге он тоже видел море, но оно не произвело на него большого впечатления.

Вадим и Маша писали друг другу письма почти каждый день.

Через неделю пришла телеграмма от мамы. Она сообщала, что отец умер. Вадим читал и перечитывал, но смысл не доходил до него. Как умер? Лишь постепенно он начал понимать страшное значение этих слов. Вдруг буквы стали расплываться... Исчезли... Темная пелена застлала глаза. Он ничего не видел!

– Я ослеп! – вскричал Вадим. Телеграмма упала на пол.

К нему подбежала медсестра. Взяла за руку. Стала успокаивать.

– Ничего серьезного. При сильном нервном потрясении может наступить потеря зрения. Но эта слепота временная. Вы обязательно будете видеть!

Время шло, а зрение не возвращалось. Это были ужасные часы. Два несчастья свалились на него в один и тот же миг.

И все же медсестра оказалась права. Через трое суток он снова стал видеть. Не хуже, чем видел раньше.

Отца похоронили без него. Вадим остался в санатории. Екатерина Дмитриевна на этом настояла, хотела, чтобы он прошел весь курс лечения.

Умер отец в возрасте 56 лет. Несомненно, сказалась война.

Из Ялты Вадим вернулся вполне здоровым.

Мама рассказала ему, как умер отец. Всплакнула. Вадим ее утешал. Через полчаса он побежал к Маше. Он увидел ее на другой стороне улицы. Она шла рядом с молодым морским офицером, стройным, подтянутым, мужественно и хищно красивым. Они оживленно беседовали, Маша то и дело смеялась. Не давая воли острой ревности, Лунин перешел улицу и, заранее раскрыв руки для объятий, бросился к ней. Маша коротко поздоровалась и, не замедляя шаг, прошла мимо. Моряк, кажется, усмехнулся. У Лунина пересохло во рту. Он опустил руки и долго стоял, не шелохнувшись. Глядел им вслед. Прохожие его обходили.

Вадим почти физически ощущал, как все рушится в его душе. Словно в основании прекрасного здания образовалась трещина, и оно развалилось. Он вострепнулся и быстро пошел вперед. Пошел бесцельно, наугад. Казалось, лишь стремительно шагая, он может переносить нестерпимую душевную боль. Ноги сами привели к его дому. Вадим не мог вспомнить, где и сколько времени ходил он по городу.

– Что стряслось, Вадя? – спросила Екатерина Дмитриевна, заметив его несчастный, обескураженный вид.

Вадим все рассказал. И, неожиданно для себя самого, расплакался. Теперь Екатерина Дмитриевна успокаивала его, гладила, как маленького мальчика, по голове.

– Любит тебя Маша, сынок... Она меня проведывала. С похоронами помогала.

Вечером явилась Маша. Она попыталась изобразить все как забавное недоразумение. По ее словам, это был просто знакомый. Сказала, что обниматься и целоваться на улице она сочла неприличным. Заверила, что по-прежнему любит Вадима.

Он ей не верил. Очень хотел верить, но не мог. Маша ушла рассерженной.

Ночь он не спал. Ложился, пытался заснуть, но какая-то сила срывала его с дивана и заставляла ходить из угла в угол часами, до полного изнеможения.

На следующий день Маша пришла снова. Принесла гитару. Пела песни. О свадьбе Маша не напоминала. Видимо, чувствовала, что сейчас неподходящее время.

Ее посещения лишь бередили рану.

Он принял решение – как всегда, быстро и бесповоротно – уехать. Чтобы сменить обстановку. Чтобы не видеть Машу.

Вернуть прежние идеальные отношения было невозможно. А других он не хотел.

Его почему-то всегда тянуло в Среднюю Азию. Наверно, потому, что там было тепло. Он не любил мороз.

Вадим поехал в Узбекистан. Устроился старшим научным сотрудником государственного архива Каракалпакской АССР. Архив находился в городе Турткуле.

Добирался он туда долго, с несколькими пересадками. Последний отрезок пути ехал на попутном грузовике, в открытом кузове. Еще в кузове сидели три каракалпака и русская девушка с узким худым лицом. Встречный ветер пронизывал насквозь. Из-за тряски, шума, ветра разговаривать было трудно. Вадим стал громко петь. И чтобы согреться, и чтобы не совсем уж молчать. Пел, в основном, романсы. Девушка не сводила с него глаз.

Турткуль в то время располагался на самом берегу Амударьи.

Это был иной, незнакомый мир. Вадим с жадностью впитывал новые впечатления. Надеялся, что они отвлекут от тяжелых мыслей. Бродил по городу. Разглядывал руины хивинской крепости. Видел церквушки, построенные когда-то уральскими казаками-старообрядцами. На улицах встречались каракалпаки из сельской местности, в черных косматых шапках. Каракалпак переводится как черный колпак. Бывал в пустыне Кызылкум, к востоку от Турткуля, встречал там неправдоподобно крупных черепах. Можно было встать на такую черепаху, и она продолжала ползти. Видел гюрзу.

На второй день столкнулся на перекрестке с той девушкой-попутчицей. Ее звали Ольга. Она жила напротив дома, в котором ему выделили квартиру. И тоже работала в архиве, машинисткой. Оля была из старинного княжеского рода. Отец погиб в революцию, в застенках ЧК. После убийства Кирова их с матерью выслали сюда из Ленинграда. Тогда они восприняли это как настоящее горе. А может, эта ссылка спасла их от сталинских лагерей?

Многое удивляло.

Как-то к нему в кабинет зашел один из его подчиненных, пожилой каракалпак.

– Начальник, сегодня пораньше отпусти, Сын болеет.

– Ну что ж, идите.

Старик и раньше обращался к нему с подобными просьбами, и Вадим никогда ему не отказывал.

– Спасибо. – Каракалпак вышел, но тут же вернулся. Он был серьезен. – Хороший ты человек, начальник. Очень хороший. Я тебе добра хочу. Уезжай отсюда! Если народ поднимется – русским плохо будет!

Вадим был поражен.

– Спасибо. Буду иметь в виду, – хладнокровно ответил он. – Можете идти.

Вадим несколько раз участвовал в праздничных трапезах. Как правило, он был единственным русским. Гости рассаживались на полу, на подстилках, вокруг огромного блюда с пловом. Какой-нибудь начальник мог подцепить кончиком ножа горсточку плова и протянуть отличившемуся подчиненному. Это считалось знаком внимания и расположения. Тот подползал на четвереньках и слизывал плов.

Начальников здесь почитали. К нему тоже относились как к большому начальнику.

Однако новые впечатления несколько не заглушали душевную боль. Он почти не спал. Ночи напролет ходил из угла в угол. А если засыпал, то ненадолго. Пробуждался с чувством мучительной тревоги и снова начинал ходить.

Он понимал, что больше находиться в таком состоянии нельзя. Надо было отвлечься. В архиве он наткнулся на уникальные документы – переписку между хивинскими ханами и высокопоставленными российскими чиновниками, и русско-иранскую переписку. И он решил – заставил себя – писать кандидатскую диссертацию на эту тему. Он работал каждую

свободную минуту, день и ночь. Наверное, ни одна диссертация не писалась еще с таким рвением.

Может, он нашел свое призвание? Вадим начал мечтать, что со временем станет известным ученым-историком. Напишет тома научных трудов. О нем будут говорить, его будут узнавать. Вот тогда Коган поймет в полной мере, кого она потеряла.

Но и диссертация не заглушила его муки. Видимо, по какому-то закону своей души Лунин должен был выстрадать горе до конца.

С Ольгой они виделись часто. И на работе, и на улице. Иногда он заходил в гости. Она в него влюбилась. Наверно, еще тогда, в грузовике. Бывшая княгиня очень хотела, чтобы Вадим женился на ее дочери. Считала его подходящей партией. Однажды она сказала, что они обеспеченные люди. И в доказательство своих слов выдвинула ящик комода. В нем лежали фамильные драгоценности – различные украшения из бриллиантов и золота. Удивительно, что княгиня смогла их сохранить.

Но Вадим относился к Ольге лишь как к хорошей знакомой.

Пришло письмо от Маши. Адрес, очевидно, дала мама. Маша с юмором описывала свою жизнь, учебу в институте. В том же шутовском тоне сообщала, что очень соскучилась. Как будто между ними ничего не произошло. В этом была вся Маша. Она не любила жаловаться. Не любила унывать. И все же между строк чувствовалось, что ей тяжело. В конверт были вложены две маленькие фотографии, на которых она улыбалась своей веселой обворожительной улыбкой. На обратной стороне одной фотографии Маша написала: «Я, вероятно, никогда не буду серьезной». А на другом снимке: «Немного глупое выражение лица. Но ничего, посмотри и никому не показывай, ладно?» Вадим на письмо не ответил.

Он получил от Маши еще два письма. И тоже оставил их без ответа. Больше она не писала.

Вадим был свидетелем разлива Амударьи. Она разливается каждый год, но этот разлив превратился в настоящее бедствие. Стояла редкая даже для Средней Азии жара. В горах Памира, где Амударья берет свое начало, усиленно таяли снега. Уровень воды в реке резко поднялся. Вадим наблюдал, как мутные бурные потоки подмывали берега. Вдруг на поверхность реки всплыл огромный, около двух метров в длину, сом. В пасти он держал человеческую руку. Очевидно, Амударья размыва кладбище, и недавно похороненные тела стали пищей для сомов. В городе, в прибрежной черте, были разрушения.

Впоследствии Турткуль перенесли подальше от берега.

В начале осени Вадим поехал за мамой. Без нее было плохо.

Екатерина Дмитриевна быстро собралась в дорогу. Свою квартиру они оставили дальним родственникам. Перед самым отъездом Вадим столкнулся в магазине с Наташей Соколовой. Они встретились как старые друзья. Наташа работала учительницей в школе. Замуж пока не вышла.

Машу он не видел.

С мамой жизнь Вадима в Турткуле стала легче, комфортнее.

Он продолжал писать диссертацию.

Екатерина Дмитриевна прожила здесь год. Она познакомилась на рынке с Игнатом Григорьевичем, жизнерадостным, разговорчивым сибиряком. Он приехал в Турткуль навестить родственников. Они сразу понравились друг другу. Екатерина Дмитриевна вышла за него замуж. Игнат Григорьевич увез ее в Новосибирск. Там у него был свой дом.

Через три месяца Вадим получил от него телеграмму. С мамой случился инфаркт. Она лежала в больнице. Он все бросил и поехал в Новосибирск. Каждый день приходил в больницу. Постепенно Екатерина Дмитриевна поправилась. Но в любой момент инфаркт мог повториться. Вадим решил перебраться в Новосибирск окончательно. Диссертация осталась незаконченной.

Вадим устроился заведующим библиотекой. Жил в доме Игната Григорьевича. У него была своя комната.

Войдя однажды в читальный зал, Вадим сразу обратил внимание на одну девушку. Она читала толстую книгу, изящно подперев голову рукой. Девушка очень походила на Машу. Они познакомились. Девушку звали Рита. Она и характером напоминала Коган. Рита недавно закончила институт. Работала в малотиражной газете.

Несмотря на внешнее сходство с Машей, в роду у Риты все были русскими. Ее отец был крупным партийным работником. Его арестовали по делу Эйхе. В 1938 году расстреляли. Мать спасло то, что они развелись за год до его ареста. Рита – тогда еще восьмиклассница – жила с матерью в элитном доме в центре Новосибирска. Каждую ночь приезжали энкавэдэшники и кого-нибудь забирали. Заслышав на лестнице шаги, они всякий раз думали, что пришли за ними. Со страхом ждали звонка в дверь. Но их не тронули.

Между Вадимом и Ритой вспыхнула любовь. В скором времени они поженились.

Вадим переехал к ней, в тот элитный дом. На этом настояла Рита. Жить в частном доме, на окраине города, она не хотела.

Анна Андреевна, мать Риты, работала редактором. Она и дома постоянно правила рукописи в своей скромно обставленной комнате. Была поглощена литературной работой. Быт ее не интересовал. Анна Андреевна была дочерью урядника. Училась в гимназии. Влюбилась в своего учителя. Вышла за него замуж. Свадебное путешествие они совершили по Италии. Вскоре развелись. Она вступила в партию большевиков. На партийной работе познакомилась с отцом Риты. Он был из рабочих.

Человеком Анна Андреевна была молчаливым, сдержанным.

Война ее тоже коснулась. Муж сестры Анны Андреевны по заданию подполья служил старостой у немцев. Когда пришла Красная армия, его, не разобравшись, расстреляли. Дочь его, племянница Анны Андреевны, узнав, что отец казнен как пособник фашистов, повесилась. Его сын погиб раньше – воевал в партизанском отряде и был убит в бою.

Оставаясь заведующим библиотекой, Вадим стал еще лектором Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Хотел побольше заработать денег и купить жене шубу.

Работала Рита далеко от центра города. Зимой, когда быстро темнело, Вадим ездил ее встречать. Сменил для этого работу. Стал преподавать в техникуме. Так у него было больше времени.

Общественный транспорт ходил плохо. На остановках люди штурмовали автобусы и трамваи. Вадим пропускал жену вперед, хватался руками за поручни и загораживал вход. На него напирала, толкали в спину, возмущались, ругались. Но лишь когда Рита, не торопясь, с гордо поднятой головой, поднималась в салон, Вадим разжимал руки. Среди негодующих голосов иногда слышались и возгласы одобрения: «Настоящий мужик!» Или: «Вот это мужчина!» Хвалили, как правило, женщины.

Через год у них родился сын. Его называли Игорем.

Вадим был счастлив с Ритой. Как тогда с Машей. Даже счастливее. Теперь прибавилось счастье отцовства. Сына Вадим очень любил.

И вдруг, на пике счастья, жизнь Вадима круто изменилась.

Он заподозрил Риту в измене. И хотя Вадим сознавал, что его подозрения могут быть необоснованны и даже скорее всего необоснованны, в нем начался мучительный, необратимый, неподвластный ему процесс. Процесс, убивающий поэзию жизни, все разрушающий и разъедающий.

Повторялась история с Машей.

Начались ссоры. У обоих характеры были сильные, гордые, и это усугубляло конфликты.

Наконец, они расстались. Вадим переехал в дом Игната Григорьевича. Но приходил каждый повидать сына. Рита этому не препятствовала. Игорь встречал его с радостью, провожал со слезами.

Вадим страдал. Похудел. Глаза ввалились. Лицо было хмурым, мрачным. Екатерину Дмитриевну очень тревожило его состояние.

А в марте 1953 года он испытал еще одно горе.

После войны восхваление Сталина достигло апогея. В Вадиме поднимался внутренний протест против такого славословия.

Как-то он прочел лекцию в школе рабочей молодежи. После лекции к нему с встревоженным лицом подошла директор школы.

– С вами хочет побеседовать сотрудник МВД.

Она провела его в свой кабинет и ушла.

За директорским столом со строгим видом сидел молодой человек в штатском. Вадим видел его на лекции, в последнем ряду.

– Капитан МВД Ежков, – представился он. Показал удостоверение.

«Подходящая фамилия», – подумал Вадим.

– Садитесь. Я слушал вашу лекцию. Она мне, в целом, понравилась. Много интересных фактов привели. Но есть одно существенное замечание. Почему вы мало – недопустимо мало – упомянули товарища Сталина?

Вадим опешил. Тема лекции была далека от политики. Вадим рассказывал об успехах советских ученых-химиков. Он сдержанно ответил:

– Хорошо, я учту ваше замечание.

– Да уж, учтите. До свидания.

А через две недели он услышал сообщение о смерти Сталина. Вадим был один в своем рабочем кабинете. Он лег на диван и заплакал. Чувствовал себя несчастным и осиротевшим. Не мог Вадим представить, как все они будут теперь без Сталина жить.

Кража

1

Екатерина Дмитриевна пробыла у соседки почти весь день. Помогала готовить закуски к свадьбе соседской дочери; до позднего вечера длилось застолье. Когда она вернулась домой, сына не было. Они жили вдвоем. Игнат Григорьевич умер в начале зимы. Поскользнулся на улице, упал, сломал шейку бедра и как-то быстро угас. Сваренный ею утром суп стоял нетронутым. Ее охватила тревога. Уже второй год, с тех пор как после смерти Сталина освободили уголовников, ходить по Новосибирску с наступлением темноты было опасно. Сын носил в кармане махорку – бросить в глаза грабителям. Два раза махорка его выручала. А вдруг на этот раз не помогла? А может быть, они с женой решили опять жить вместе, и он остался у нее? Нет, он бы обязательно предупредил. Вадя всегда был заботливым и чутким сыном. И он же вчера еще сказал, что не хочет снова сходить с Ритой. Жаловался, что не видит выхода: невозможно жить с женой и невозможно жить без ребенка.

Екатерина Дмитриевна курила папиросу за папиросой. Сердце ныло. Может, Вадя опять поехал на аэродром? Месяц назад он вдруг захотел прыгать с парашютом. Как будто за войну не напрыгался! Несколько раз ездил на аэродром ДОСААФ, но погода, слава богу, была нелетная. В ожидании хорошей погоды он там даже два раза ночевал, на столе, на голых досках. Наконец, ему это надоело. Так он и не прыгнул. Как она волновалась за него тогда! Неужели снова прыгать захотел? Но в таком случае он оставил бы записку.

Вдруг раздался стук в калитку. Екатерина Дмитриевна поспешила во двор. За воротами стояла бледная, взволнованная Рита. Сдержанно поздоровавшись, невестка сказала:

– Третий раз к вам приезжаю. Игорек здесь?

– Нет. Проходи, Рита!

– Нет?

Невестка побледнела еще больше. Быстрыми шагами перешла двор, вошла в дом. Екатерина Дмитриевна едва поспевала за ней. Они прошли в комнату Вади. Екатерина Дмитриевна заметила, что на кровати сына нет одеяла. Это было странно. Рита стала посреди комнаты и, нервно теребя конец шарфа длинными тонкими пальцами, произнесла прерывающимся голосом:

– Вадим забрал в обед Игорька из яслей. На два часа. Но больше их не видели.

Екатерина Дмитриевна ахнула. Она рассказала, как прошел этот день. Маргарита недоверчиво смотрела на нее. Вскоре она ушла.

Екатерина Дмитриевна бросилась к комоду, выдвинула нижний ящик. В нем хранились документы. Вадиных документов не было. Она заглянула под кровать, там всегда лежал чемодан. И он исчез. Она все поняла. Противоположные чувства охватили ее. Это было и облегчение (сын жив), и обида (как он мог не сказать!), и тревога за судьбу его и внука.

А утром явился милиционер, стал допытываться, где может быть ее сын. Он навевался еще несколько раз. Через неделю ее вызвали в прокуратуру, долго расспрашивали или, лучше сказать, допрашивали. Интересовались, нет ли от сына каких-либо вестей.

Еще через пять дней пришло письмо. Сын просил прощения за то, что не посвятил ее в свои планы. Но так было нужно, писал он. Вадя признавался, что хотел не просто прыгать с парашютом, а совершить опасный прыжок с рекордной высоты. Потому что не желал больше жить. Решил: если ему жизнь не нужна, надо отдать ее, сделав что-то значительное. Вот в каком состоянии он тогда был! Оставался один выход – украсть сына. Сначала он намеревался отправиться в Саратов, к Вере, двоюродной сестре, но один человек на вокзале посоветовал ехать в Киргизию, в город Фрунзе. Там и теплее, и легче живется. Так он и сделал. На железнодорож-

ной станции Кулунда, в северном Казахстане, была тяжелая пересадка. Пришлось в спешке – на посадку дали несколько минут – переходить через несколько путей. Как раз разыгралась метель. Одной рукой он прижимал к себе закутанного в одеяло Игоря и в ней же держал авоську, в другой нес чемодан и две сумки. Один раз пришлось даже поднырнуть под вагоны. Зато столица Киргизии его приятно удивила. Декабрь, а снега почти нет, тут и там зеленеет трава, многие ходят в пиджаках. Он снял комнату, ищет работу, надеется устроить Игоря в детский сад. Вадим просил Екатерину Дмитриевну опускать письма ему не на их почтовом отделении, а на вокзале.

2

Странный это был покупатель. Когда подошла его очередь, он внезапно повернулся и вышел из магазина. Продавщица удивленно проводила его глазами. Через десять минут он появился снова и стал у входа, ожидая, очевидно, когда все уйдут. Такое поведение должно было бы вызвать у нее подозрение, но этот человек внушал безотчетное доверие. Это был мужчина лет тридцати пяти, высокий и стройный. Его лицо с красивыми, благородными чертами выглядело измученным, щеки ввалились. Одет он был довольно прилично. Он явно нервничал. Наконец очередь растаяла.

– Что будем брать? – спросила продавщица, чтобы его подбодрить.

Он приблизился к прилавку и, волнуясь, заговорил:

– Хочу обратиться к вам с необычной просьбой. Я недавно приехал сюда с сыном из другого города. Ребенку четыре года. На работу я еще не устроился. Деньги кончились. Не могли бы вы дать мне в долг буханку хлеба и килограмм макарон. В ближайшее время я рассчитаюсь.

– А где его мать?

Несколько секунд он колебался.

– Я его увез от матери. Буду воспитывать один.

Продавщица, немолодая женщина с полным, дряблым лицом и добрыми голубыми глазами, вздохнула.

– Хорошо. – Она положила перед ним на прилавок хлеб и макароны. Спросила: – А сахар есть? – В ее голосе звучало сочувствие.

– Кончается.

Она добавила бумажный кулек с сахаром и две банки кильки. Он повеселел.

– Очень вам благодарен!

– За вами двадцать два рубля шестнадцать копеек.

Он сложил все в авоську и вышел.

Лунин не ел второй день. Сын, однако, был сыт и, как он надеялся, ни о чем не догадывался.

Когда он вошел в дом, Игорек бросился ему навстречу.

– А я бабе Кате верблюда нарисовал! – радостно сообщил сын. Проезжая казахские степи, они видели верблюдов. Мальчик рассматривал их с жадным любопытством. Он подвел отца к столу и показал рисунок. Глаза его сияли.

Этот низкий стол, две табуретки и узкая кровать составляли всю мебель. Игорь спал на кровати, Лунин – на полу. Вторая комнатка, где по плану Лунина должна была жить няня, пока пустовала.

– Хорошо нарисовал, – сказал Лунин. – Какой важный!

Сын засмеялся.

Лунин отправился на кухню варить макароны. Ребенок пошел следом за ним и начал живо, увлеченно рассказывать о сегодняшнем утре.

После обеда Лунин стал зашивать Игорю курточку. Она расплзлась на спине. Сын тихо сидел на табуретке у окна и задумчиво, по-взрослому серьезно смотрел на небо, на медленно плывущие перистые облака. В эти его переходах от бурной восторженности к молчаливой задумчивости Лунину виделось проявление богатой и глубокой натуры. Вскоре Игорь забрался на кровать и уснул.

Где достать денег, думал Лунин. Конечно, можно было занять у Егора Степановича, хозяина дома. Деньги у него наверняка есть. Егор Степанович на себя почти ничего не тратил. Питался он очень странным, очень экономичным и, наверное, очень полезным образом: ел черный хлеб, макал его в стакан с водой, настоянной на чесноке. Другой пищи он не признавал. Старик был прижимист, нелюдим, суров, и Лунин не решался просить у него денег, боялся нарваться на грубость. Неужели опять придется делать кирпичи? На прошлой неделе он подрядился делать дунганам саманные кирпичи. Их изготавливают из глины и соломы. Рано утром он ехал с сыном на другой конец города, разувался, снимал брюки и часами во дворе месил босыми ногами в холодной воде глину. Игорек в это время играл с хозяйскими детьми. Работа была тяжелая. Кроме того он боялся простудиться и слечь. Хорошо, что погода стояла тогда довольно теплой. А сейчас похолодало.

Лунину нравилось зашивать, штопать, пришивать пуговицы. Это занятие его успокаивало, настраивало на философский лад. Удивительное дело: у него не было работы, кончились деньги, ему было стыдно за сцену в магазине, он мучился чувством вины перед матерью, понимая, в какое тяжелое положение ее поставил, боялся, что его адрес станет известен жене, и в то же время в глубине души ощущал сейчас благодатное умиротворение. Он находился в согласии с самим собой, к нему вернулся вкус к жизни. Несколько лет такого не было. Теперь была определенность, теперь все зависело от его воли. И, главное, сын был с ним!

Ему захотелось пройтись. Он вышел на улицу. Их дом стоял на самой окраине Фрунзе. Еще через несколько домов начиналась степь. Утром перистые облака закрывали все небо, теперь их медленно относил на северо-запад. Над покрытыми снегом горами Ала-Тоо, громадными, величественными, небо было уже голубым. Две вершины особенно привлекали внимание. Они были равной высоты и вместе с седловиной между ними очень напоминали палатку с прогнувшимся верхом. Казалось, горы совсем близко. На самом деле до них было километров десять. Он пошел наугад в сторону гор.

В отрочестве у Лунина было правило: два-три раза в месяц идти без цели по железнодорожному пути и размышлять о своей жизни. Он спрашивал себя, исполнил ли он задуманное, что он сделал неправильно, как ему жить дальше. Вот и теперь, словно вспомнив ту привычку, он давал себе отчет. Правильно ли он поступил? И разум, и душа, все его существо отвечали утвердительно.

С детских лет он ощущал в себе неисчерпаемые силы, верил, что прославиться в том деле, которое выберет. Однако Лунин до сих пор не знал, что это за дело. Несколько возможных целей жизни он уже отверг, как слишком мелкие. Например, он мог сделать военную карьеру: он быстро поднимался в армии по служебной лестнице.

Лунин остановился. Он посвятит свою жизнь воспитанию сына! Вот достойная цель! У него дух захватило от этой мысли. Он создаст идеального человека. Все свои силы, всю свою душу отдаст он этому делу. С детства он мечтал о подвигах. Это будет его подвиг. Конечно, славы он так не заслужит. Ну что ж. Воспитать сына важнее, чем снискать славу.

Лунин стоял и смотрел на «палатку». Он довольно далеко ушел от города. С гор тянуло сырой прохладой. Он повернулся и пошел назад.

Он рассеянно листал копеечную книгу по педагогике. Игорек крепко спал. После рождения сына Лунин покупал все книги и брошюры о воспитании и детском здоровье, какие попадались ему на глаза. На одной странице он увидел фотографию девочки в школьной форме. «Старшеклассница», – поясняла подпись внизу. Словно никто не знал, как выглядит старшеклассница. Под фотографией девочки поменьше стояло: «Школьница младших классов». Лунин не улыбнулся: он все время думал о полученном утром письме от матери. Оно его встревожило.

Екатерина Дмитриевна писала:

«Целых два дня письмо твое разбирала. Ты думаешь перебраться в Алма-Ату. Я с тобой согласна, тебе надо быстрее оттуда уехать. Я уверена, что твое местожительство известно и ей, и милиции, и тебе надо ждать или ее, или отберут у тебя ребенка, тогда дело будет хуже, вернуть его труднее.

Все передумала. В отношении Саратова я бы тебе не советовала, ведь органам прокуратуры известны адреса наших родственников. И жизнь в Саратове дорогая.

Из головы у меня не выходите вы. Вадя, понимаю, как тебе тяжело. Наверное, голодаешь, душа моя вся за вас выболела. Измучился ты с ним, все ведь тебе приходится делать, как уж ты успеваешь? И расход большой. Ведь помочь тебе ничем не могу, вот беда! Продать нечего. Вадя, в отношении меня я так думаю. Пока ты не устроишься, т.е. выяснится что-нибудь ясное, более постоянное, если ли смысл мне ехать к тебе? Если придется переезжать с места на место, так ты со мной замучаешься больше, чем с Игорем. Три билета надо, да лишний рот, да быстро я ходить не могу, ноги отказываются. Смотри, как лучше, тебе виднее.

Так много мыслей в голове, а как писать – куда-то исчезают. Игорек, наверное, вырос. Скажи, что рисунки от него получаю, спасибо ему, что не забывает бабу Катю.

Я живу по-старому. Хочу в воскресенье пойти на базар, наберу Игорю на ботинки. Постараюсь выслать тебе манки. Меня пока оставили в покое, никуда не вызывают, и я решила, что им известно. Буду писать Вере и скажу, чтобы она твоего адреса никому не говорила. И тебе бы надо ее предупредить. Ведь к ней должны прийти из милиции. Вадя, я тебе писала или нет? Я выкупила 14-ю книгу Бальзака и первый том энциклопедии. Продать их или беречь, напиши.

Клушка вывела пять цыплят. Ну вот и все новости.

Целую вас крепко-крепко. Мама и бабушка. Пиши».

Однако дни проходили за днями, недели за неделями, но никаких признаков того, что его местонахождение обнаружено, не было. Он успокоился.

Лунин устроился в Институт педагогики научным сотрудником. Но эта работа оказалась связанной с командировками, а он не мог бросать сына. Пришлось уволиться. Он стал работать в библиотеке. Кроме того, писал в качестве внештатного корреспондента короткие заметки в газеты. Устроил Игорька в детский сад. Нанял няню.

Жизнь постепенно налаживалась.

По вечерам он гулял с Игорьком по улицам. «Какой хорошенький мальчик!» – умилялись прохожие, и Лунин гордо улыбался. Он представлял, как через много лет они будут вот также гулять вдвоем, обязательно в Москве, в крайнем случае, в Ленинграде: он идет в середине, импозантный, моложавый старик, справа и слева – сын и невестка, непременно красавица. Они поглядывают на него почтительно-ласково. Прохожие умиляются.

Все изменилось одним весенним днем.

Когда он вошел в библиотеку, взгляды всех сотрудниц, как обычно, сразу обратились на него. Взгляды были любопытные, сочувственные, влюбленные. Лишь одна, Надя, молодая красивая женщина с огромными черными глазами, посмотрела на него сердито и тотчас отвернулась. Он был единственным мужчиной в коллективе, и большинство женщин в него влюбились. Надя ухаживала за ним особенно настойчиво. Вчера даже уговаривала прийти вечером

к ней домой. Он под благовидным предлогом отказался, посчитал, что это будет предательством по отношению к сыну.

На этот раз все смотрели на него с особенным участием.

– Мария Максимовна просила, чтобы вы к ней зашли, – сказала одна из сотрудниц.

Лунин заподозрил неладное. Он быстрыми шагами направился к кабинету директора. Лицо у Марии Максимовны было озабоченным. Она протянула ему квадратный серый конвертик.

– Сегодня пришло. Это вам.

Лунин распечатал конверт, вынул маленький листок и с сильно бьющимся сердцем прочел:

«Лунину.

Начинаю дело о разводе. Вам придется или прислать письменное заявление о согласии на развод, или явиться по повестке, которую пришлют, в нарсуд Новосибирска.

А пока еще раз прошу *вернуть сына по-хорошему* (сообщить о нем, как и что, чтоб я могла приехать и забрать его).

Скрываться дальше бессмысленно, все равно найдут. М. Лунина».

– А это письмо пришло на мое имя. Можете ознакомиться. – Мария Максимовна дала ему второй конверт.

«Узнали место работы – скоро узнают, где я живу, – думал Лунин. – Надо уезжать».

В письме жена интересовалась, в каких условиях находится Игорь.

– Я уже подготовила ответ, но вы предварительно прочтите. Может, надо что-то изменить, добавить.

Она протянула свое, напечатанное на машинке, письмо.

«Тов. Лунина!

По существу Вашего письма я могу Вам сообщить следующее.

Тов. Лунин В. А. от нашего коллектива и от остальных знакомых в городе Фрунзе не скрывает, что он увез сына из детского сада без Вашего ведома. Он объясняет это так:

«С женой мы не могли найти путей для совместной жизни в силу различных понятий о семье. Пробовали жить в одном городе на разных квартирах, но так как я очень люблю и привязан к своему сыну, я вынужден был, живя отдельно от жены, ежедневно почти ходить к ней в дом, чтобы видеть сына, погулять и поиграть с ним. Сын тоже ко мне привязан, и каждое мое посещение нервировало меня, мою жену и, главное, сына, он всегда провожал меня со слезами и не хотел, чтобы я уходил.

В этих условиях я очень истрепал свою нервную систему. Расстаться с сыном я не мог, но и жить в таких условиях я тоже был не в состоянии. Я решил увезти сына, так как он ко мне значительно больше привязан, чем к матери, и вот я его увез и никогда с ним больше не расстанусь. Сын – это моя цель жизни. Я живу и работаю только ради сына и об этом не жалею».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.